

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ Н. В. ГОГОЛЯ

Ганиэль ОРЛОВ

БОЛВАН ДА МАРЬЯ

Даниэль Орлов
Болван да Марья

Издательский дом «Городец»

2022

УДК 82.3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Орлов Д.

Болван да Марья / Д. Орлов — Издательский дом «Городец»,
2022

ISBN 978-5-907483-62-0

В этой книге Даниэлем Орловым задаётся современный канон прозы в жанре автофикшн. Повествование от первого лица выходит то жёстким саморазоблачением в традиции Селина или Генри Миллера, то набоковским лукавством, то покаянным письмом современного протопопа Аввакума, то обращается довлатовской отстранённостью. Иногда концентрация метафор и жёсткая ритмическая конструкция делают очередной текст поэмой в прозе. Главный герой всех повестей и рассказов – наш современник, горожанин. Герой редко смиренно принимает посланное судьбой, чаще бунтует на грани закона и здравого смысла. Но также он наблюдатель, созерцатель, а временами жестокий судья нашему времени. В книге собраны как тексты, опубликованные ранее в сборниках и литературных журналах, так и новые, нигде не печатавшиеся произведения. Открывает путешествие во внутренний мир мужчины новейшая повесть «Болван да Марья», давшая название сборнику.

УДК 82.3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907483-62-0

© Орлов Д., 2022

© Издательский дом «Городец», 2022

Содержание

Болван да Марья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Даниэль Всеволодович Орлов Болван да Марья

© Д. Орлов, 2022

© ИД «Городец», 2022

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦ

Болван да Марья (повесть)

Все мы ищем оправдания этому миру и, как правило, находим. Накануне я подрался с Бомбеем. Он ударил меня в лицо, скучным, словно нарисованным ударом, прямо в лоб. Такой удар называется джеб. Он занимался боксом в юности, и я занимался боксом в юности, в той же секции на десятой линии, в подвальном этаже юрфака. Но когда он ударил меня, я сунул руки в карманы, чтобы, не дай бог, не ударить в ответ, сказав: «Ну и дурак». И тогда Бомбей ударил ещё раз и разбил мне нос. Кровь залила замшевый пиджак, светлые хлопковые брюки и попала на белые в мелкую дырочку ботинки, которые я купил в Гамбурге на Мёнкебергштрассе. Я опять обозвал его дураком, зажал нос ладонью и отправился в ванную умываться. Кира принесла мне лёд, завернутый в полотенце. Она тут здорово обжилаась.

Мне стало стыдно за Бомбея и жаль ботинки. Ботинки я купил прошлым летом. У них была такая твёрдая кожаная подошва с вытесненным названием производителя. Не какое-нибудь транснациональное говно, а хороший немецкий крафт. Только вышел из магазина, сразу надел, а старые, намокшие накануне и оттого прокисшие, выкинул вместе с коробкой в урну. Шёл по улице и смотрел на свои ноги в отражениях витрин. И джинсы на мне были новые, и куртка: за неделю до парома подхватил на распродаже в Хельсинки. И нравились мне мои ноги, торчащие из-под куртки, в незамятых, без привычных пузырей на коленках, джинсах. И казался я себе в этих тёмных витринных стеклах, идущий между манекенов и надписей «Verkauf», стройнее и моложе, а возможно, что лучше и удачливее. Но даже если бы и взаправду, поди слови ту удачу с моей одышкой.

Зачем-то придумал взять злополучные ботинки на день рождения к Марье, не хотел ходить в тапках или в носках перед Кирой и бабами, которые там окажутся, и принёс с собой в чёрном шуршащем полиэтиленовом пакете. Ехал в такси по Каменноостровскому, держал пакет на коленях, а он шуршал, как морщился, поперёк всех FM-радиоволн с их плохими песнями.

Во-первых, совершенно всё равно, происходило ли это вчера, в прошлом году, тридцать лет назад или происходит сейчас. Я что-то понял про время, но сразу не записал, а потому скоро забыл. Осталось только чувство, что меня обманули ещё в самом детстве. Впрочем, всех в детстве обманывают. Разве не так? Воспитание ребёнка сплошь состоит из обмана. Нельзя ему вот так просто сказать, что он умрёт. Если это сказать сразу, то не очень понятно, как заставить его опускать стульчак в уборной, решать уравнения и ездить к тёте Эмме. Особенно последнее. Я бы ни за что не ездил к тёте Эмме, если бы знал, что я смертен.

Пиджак тоже жалко. Но пиджак всё равно казался на мне тесным, если застегнуть, выпирают бока. Я значительно покрупнел, если не сказать «разжирел», за последние годы. На университетских фотокарточках остался тощим глистом на длинных ножках, обёрнутых в пятьсот первый Levis, а в реальности набрал солидность. Марья говорит: «забурел». Не понимаю, нравится ей или нет. Скорее, нравится, но Марья не показатель, у неё ко мне предвзятое отношение.

В позапрошлом году Игорь Ревазович устроил её в «дочку» ЛУКОЙЛа, где сам директорствует. Марья эффектная, манкая. Раньше формы были, а сейчас похудела, но ей идёт. Причёска аккуратная, красится в такую дрюсточку, когда одни волосы светлее других, не помню, как называется, это давно не модно, но ей к лицу. Кажется, что впереди тренда. На работе не знают, что ей уже под полтос, думают, чуть больше тридцати. В кадрах, конечно, в курсе, но остальные не догадываются. А она и не рассказывала никому. Зачем? Ей мальчишки комплименты отвешивают, курить водят, в кафетерий – ухаживают. С кем-то она, наверное, спала.

Раньше звонила ни свет ни заря в свой день рождения и напоминала, мол, ждёт к шести. Спросонья не то поздравлял, не то жаловался. Благодарила и вешала трубку. А в этот раз софтина специальная на смартфоне напомнила. Блякнуло что-то, мол «Марья Романова, ДР». А я как раз в Питере, уволился же. Я дома, в своей коммуналке, на опционе и на диване, не бреюсь, не мою голову, смотрю сериал про маньяка. Так и отдыхаю. Мне хорошо. Продукты заказываю через сеть, гуляю на балконе с сигаретой. Чего на улицу спускаться? Там слякоть, опять грязный снег, кашель. В среду пригласил Веронику Сергеевну. В четверг не мог дожидаться, когда же она наконец свалит. Но у неё оказался свободный промежуток между выставкой в Гамбурге и выставкой в Милане, муж в командировке, дети у его матери. Пришлось готовить завтрак, варить кофе.

– Я растворимый не пью. Пора бы запомнить. Отправилась в душ, вернулась голая с мокрыми волосами. Так и шла по коммунальному коридору мимо кухни, где я кофе варил, а соседка – кашу дочери.

– Охереть, Дембечка! Опять тут эта толстожопая!?

Что я должен ответить? Ничего и не ответил.

Вероника и за стол голой уселась. Не знаю, что-то со мной не так, но голые бабы мне кажутся нормальными в постели, а не за столом. Она словно и не понимает, что голая. Или понимает, но дразнится. Долбаный телек врубила, да ещё так громко. Я его последний раз на Новый год смотрел: Путин, все дела.

Наконец сделал вид, что мне нужно по делам. Она поняла, посмотрела с прищуром, но собралась, вызвала «Яндекс. Такси», долго целовала меня у дверей.

– Сволочь ты, Беркутов. Но обаятельный. Пока!

Компания любимых и знакомых с детства. Редких случайников наша душевная близость если не приводит в восторг, то настораживает или раздражает. Мы так отчаянно синкопировали, так слаженно дышали в унисон, так отрепетированно исполняли словесные кодансы, что, попади вместе в плацкарт, показались бы труппой самодеятельного театра, едущей на гастроль. Все наши разговоры, тем не менее, – чуждая импровизациям система подколок, сплетен, смешков, цитат, словесных провокаций, преследующих единственную цель – рассмешить компанию.

Мы как хорошо сыгранный, но неизысканный провинциальный оркестрик. Ни один дирижёр не доверит нам серьёзной, что там серьёзной, просто абстрактной темы: всё едино, собьёмся на свои польки и фокстроты. Пусть так, только отбор в этот оркестрик самый строгий, предвзятый. Тут последнее пикколо имеет голос геликона. Иной раз так дунет, так выдохнет горечью, что скривится пришлый, задёргает глазом, заелозит на стуле, да и вон. Поди сыщи... И что там про нас надудит, каких нот подберёт, никому уже не интересно – на репертуар не влияет.

Было время, Бомбей заезжал ко мне по дороге на работу. Я жарил глазунью, варил кофе, и мы вместе завтракали за круглым столом при этом вечно включённом телевизоре, как в оркестровой яме у неубранной постели. Это обоим казалось забавным. Из-под одеяла торчали розовые женские пятки. Бомбей указывал на них вилкой и говорил с набитым ртом: «Пока мужчина способен сам себе сделать утром яичницу, женщина нужна ему исключительно в гуманитарных целях». Наверное, он имел в виду секс.

Всё верно, с этими пятками разговаривать было не о чем. Не клеились у нас разговоры. Пятки часто сидели в позе лотоса и прислушивались к чему-то не то глубоко внутри, не то где-то снаружи, что мне одинаково никогда не услышать и не понять. За это пятки меня презирали. Это отражалось на том, что происходит ночью, в конечном счёте, на настроении и зарплате.

Довольно скоро пятки легализовались в Веронику Сергеевну, родили мне сына и заставили купить стиральную машину и холодильник «Libcher». Мы даже завели собаку. Но это

всё, как оказалось, ненадолго. Марья, кстати, предупреждала, но я не верил. Думал, она просто злится. Чего злиться-то? Я когда на пятом курсе делал ей предложение, отказала. Ну и потом все эти её истории.

Бомбей ни разу не женился, но баб у него много. Некоторых он называет «моя жена» и живёт с ними по году, иногда по полтора. Я думаю, это началось у него с садика. Видел детские карточки, он уже с какой-то метёлкой за ручку. После третьей как бы жены я перестал запоминать их имена. Они все оказываются похожи одна на другую: тощенькие крашенные шатенки, с вытянутым лошадиным лицом, с любовью к французскому синемаграфу «новой волны». Первую звали Леночка, вторую Лёля, третью опять, кажется, Леночка. Остальных я не запоминал, называл попросту «привет!» или «как дела?» Марья помнила их всех, всех привечала. После разрыва с Бомбеем Леночки подолгу паслись у неё, пока не находили кого-нибудь, с кем в постели говорить о Фатихе Акине и курить траву. Бомбей не очень мог поддержать про Фатиха Акина, но его это заводило. Иногда Марья пристраивала Леночек к кому-то из общих друзей. На Марьиных днях рождения Леночек, бывало, собиралось трое или четверо вместе, и мне казалось, что я попал в сумасшедшее будущее, где разрешено клонирование и многожёнство. С некоторыми я был бы не прочь, но только без дальнейших последствий и обещаний.

Это я говорю, что подрался, а ведь я и не дрался. Бомбей просто мне взрезал. Прекрасное начало апреля.

Марья жила в квартире, доставшейся от матери в некогда «блатном» райкомовском доме на Карповке, с огромными окнами, выходящими на долгострой отеля, который должны были сдать ещё к «Играм доброй воли». Отель чуть справа, а напротив купола собора Свято-Иоанновского монастыря. Кстати, женский монастырь. Мы про то даже шутить устали. Шутили только случайные люди, оказавшиеся в нашей компании. Нам было уже не смешно. Впрочем, компания с годами редела, самые развесёлые ушли ещё в начале девяностых, а потом кто сторчался, кто повесился, кого убили. Олега, например, убили. Олег поехал после работы в декабре на тачиле к дочери в интернат. Его опоили клофелином и выбросили из машины возле остановки автобуса в Ропше. Замёрз. Кому-то хватает рюмки, а Олег был спортсмен, третий дан по кёкусинкай, ну и вообще рыцарь в латах. Наверное, целый стакан выжрал, пока его срубило. Просто не проснулся.

– Вай! У меня сын родился! Выпей со мной, братан!

Конечно, выпил. Как откажешься?

Мы искали его три дня. Сека обнаружил труп Олега в морге Рамбовской больницы. Потом искали тех, кто это сделал. Долго искали. Почти год. Нашли, конечно. Очень серьёзные люди нам тогда помогли. Менты вообще сказали, делайте с этими что хотите, есть на кого повесить. Пестик у нас был, «макаров». Приехали вчетвером утром в понедельник, думали грохнем, но пожалели. Грех на душу брать никто не захотел. Друг другу пестик передавали. Помню, сидят эти двое азербайцев в обоссанных кожаных штанах на кухне, руки в наручниках за спиной, рожи разбиты. Жить хотят. В ванной жена одного из них с заклеенным ртом, в комнате дети телек смотрят про Скруджа Мак Дага. Фолкнер там с ними, типа добрый дядя. Ну да, рожа такая заграничная, сам вмазанный. А они мелкие совсем. Бомбей «макарова» Секе сунул, Сека мне, я флажок вниз, передёрнул – патрон в патронник загнал, а руки ходуном. Поднял, навёл на того, что ближе сидел, а самому стыдно, что тремор такой.

– А-а-а-а! – кричу. – А-а-а!

И говном пахло нестерпимо, то ли этот, то ли второй, то ли оба обосрались от страха. И чайник на плите уже минут двадцать кипит. Я в него и бахнул. Бомбей с Секой еле отскочить успели, иначе обварились бы. Оказывается, если кафель на кухне, то по ушам лупит, чуть барабанные перепонки не рвутся.

– Деньги! Деньги забирай, – кричат.

Фолкнер в Америке разбился потом в пятнадцатом на «Индиане». Он всегда мечтал о таком, чтобы как у Че Гевары. Девяностый интерсейт в районе Сизтла стал его последней взлёткой. А в России Фолкнер чуть было совсем не сторчался. Ходил еле живой, а может быть, это мне так казалось. Скорее второе. Встретил его в десятом летом на Петроградке, он только после больнички, рожа и без того унылая, а тут ещё и отёкшая, ноги все в венах с узелками. Я его привёл к себе, ужином накормил, оставил ночевать. Предложил выпить, но Фолкнер отказался. Утром на работу, а этот херов шпион деньги все из квартиры выгреб, херню всякую, модемы, планшет, ноутбук, в чемодан мой покидал, костюм мой же английский напялил и срыл. Соседи говорили, что мужик «с такой вот рожей» в костюме с чемоданом из комнаты выходил. Решили, коллега. Мне не жаль. Мог бы и попросить. Видел его потом в четырнадцатом в Весёлом посёлке, когда квартиру он свою перед отъездом в Штаты продавал и библиотеку раздавать пришлось. Мне Бомбей сказал, а ему Марья. Книги Фолкнер на лестницу выставил. Я забрал себе на дачу «Малую историю искусств» и альбом лучших фотографий журнала «Life».

Удивился, кстати, что нормально выглядит. Одутловатость даже прошла.

– Чё ты и как? – это я.

– Нормально, камнями занялся, – это типа он.

– Чё за камни?

– Первая категория. Ваши вписали.

Знал я уже, как наши «вписывают». Ни хера хорошего потом не бывает. Но тогда смолчал. Порадовался, что не торчит.

А эти твари, что Олега клофелином опоили, живут сейчас где-то у себя под Баку, а может быть, и в Купчино. Может быть, даже счастливо живут. Торгуют овощами на районе или подряды от Жилкомсервиса берут на кровельные работы. Дети подросли и пошли в школу. Пятёрки домой приносят. Это ведь уже в шестом году было. Вокруг покой и кредитное благополучие, не то что в девяностые. Налички тогда у них забрали целый чемодан, отвезли Марье. Она квартиру для Олеговой дочки купила в Озерках, ещё и осталось. Что теперь вспоминать. Хорошо, что не шамльнул. Не простил бы себе. И без того есть, чего не отмолить.

*Кто в Санкт-Петербурге попадает из другого места, а не рождается в нём, чтобы раз и навсегда оказаться отравленным испарением его болот, быстро привыкает, что гранит повсюду. Колонны из гранита, набережные из гранита, ступени. Потом находит огромные декоративные чаши в парках, позже замечает столбики у подворотен, предохраняющие стены от ударов карет. Это гранит рапакиви – гнилой камень. Вообще, он слегка радиоактивен, и потому радиационный фон на набережных чуть выше. Термин *garakivi* на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков придумал и предложил королю Швеции медик, алхимик и геолог Урбан Хьярве. Сын викария Хьярве родился чуть севернее места, где река Охта впадает в Неву, на землях шведской Ингерманландии. Где-то в районе нынешней станции метро «Красногвардейская». И если бы не отправился с родителями потом в Дорпат (так по-шведски назывался Тарту), а после в Стокгольм, застал бы и Питера дер Эрсте, и всю кампанию по прорубанию окна в Европу. Думаю, ему стало бы не до гранитов.*

Эпитет «гнилой» весьма точен. Эти карельские граниты подвержены разрушению под действием внешней среды, то есть выветриванию. Странно, что из него в Петербурге построено почти всё. С другой стороны, его тут так много, что почти до хрена: от бульников, принесённых мореной, до коренных пород такой толщины, что из них можно вырубать колонны под сотни метров длиной каждая.

Вот, скажем, Кира, ты врач. Всё знаешь про болезни, знаешь, как они называются по латыни. Знаешь, как называются по латыни органы, которые затрагиваются во время болезней, уже названных тобой по латыни. Но мало того, ты знаешь латинские названия

лекарственных средств, которые лечат те болезни, названные... Всё, чем я могу перед тобой похвастать, это состав горных пород, химические формулы минералов, названия месторождений, физико-химические характеристики, ну и так далее. Не всё помню наизусть, но до сих пор точно знаю, где посмотреть. Ты считаешь, что уже этого достаточно. Поживём – увидим.

Ну да ладно. Что там ещё о гранитах-рапакиви? Они, как и остальные граниты, кристаллизуются из расплавленной, но не излившейся на поверхность магмы. Это ортоклазовые граниты разной зернистости. Калиевый полевой шпат, плагиоклаз, роговая обманка, биотит, фаялит и пироксен. Чем больше ортоклаза, тем краснее, почти мяснее гранит. Калий-натриевый баланс сдвинут в сторону калия. Они бедны магнием и кальцием, а содержащиеся в них тёмные минералы высокожелезисты. Вряд ли эти знания пригодятся тебе в обычной жизни. Хотя, когда наша пока ещё не родившаяся дочка спросит тебя, а что это такое блестит в камушке, ты смело сможешь ответить, что биотит, или попросту чёрная слюда. Всякие жулики болтают, что биотит хорошо влияет на раскрытие коронной чакры и улучшает зрение третьего глаза. Про глаз не знаю, на первых двух у меня астигматизм. Чакру никто не видел, но мы с тобой, Кира, сторонники доказательной медицины. Кварц в рапакиви тёмно-серый, почти чёрный. Есть включения биотита и плагиоклаза. Вообще, уже тут я начинаю путаться, потому что не бывает просто рапакиви. Есть выборгиты, есть биотитовые граниты, есть питерлиты, есть неравномерно-зернистый порфировидный гранит, есть крупноовоидный порфировидный гранит. Все они выглядят по-разному. И проще тыкать пальцем в какую-нибудь колонну и называть конкретный тип рапакиви. Но это не мой профиль, я точно ошибусь. Скажем, врач общей практики может с той или иной степенью точности узнать инфекционную болезнь, а инфекционист не обязан разбираться в типах рака. Мне кажется, вполне пристойная аналогия. Если сравнивать геологию и медицину, то геофизика – это как рентген и УЗИ. Понимаем, что видим, но в частности не вдаёмся. Хотя камни – это красиво. Ради камней мы и пришли тогда в профессию.

Из наших, кстати, с Марьей никто после Олега не спал. Ну, или не афишировали. Вдова друга. Пусть три года только прожили, что же, не вдова теперь? Потом непонятно, что с этим делать. Ну, может быть, Фолкнер пару раз под амфетаминами, Сека от отчаяния. Ну, я иногда по старой памяти. Бомбей точно нет, она бы его не подпустила. Она и раньше не подпускала. А мужиков я многих Марьиных помню. Сплошняком какое-то мудачье стрёмное: поэты, художники, фарца бывшая с «галёры¹» и «климата²», однокурснички наши. Мужики постарше тоже случались, но не лучше. Даже один уголовник был, звёзды у него на плечах. Мы такие в пионерском лагере «Юный геолог» по трафарету набивали на дипломах за первое место в спортивных состязаниях. Марья с ним по переписке познакомилась. Мода такая была – с сидельцами переписываться. В журнале адреса публиковались. Он к ней перебрался жить, устроился работать в «Яндекс.Такси». Сам ростовский, но по навигатору возить, город знать не требуется, знай, крути руль. А потом его же дружки с зоны и подставили. Замутили какую-то афёру, кинули. Он остался должен. Это Марья только-только собралась за него замуж, а после сразу квартиру продавать, чтобы купить с доплатой коттедж под Белоостровом. Этот типа башлял своих ляма два. Повезло, короче. Думаю, убили его тогда же. Марья плакала, жалела. Но она вообще добрая.

Один только нормальный был, Игорь Ревазович, заказчик из ЛУКОЙЛа. Тоже грузин. Ну как тоже. Машка на одну половину, а тот на другую. Холёный такой, упакованный. Марье

¹ Галерея Гостиного двора, известное среди ленинградских фарцовщиков место.

² Верхний открытый вестибюль станции «Гостинный двор», выход на канал Грибоедова, место тусовки центральной молодёжи.

платья покупал, ювелирку всякую. Она её потом в ломбард сдавала, но это уже совсем потом. Замуж за него так и не собралась, хотя мы советовали. То есть не то чтобы советовали. Говорили, что это правильно, но внутренне содрогались. Марье только сорок два исполнилось, а перцу этому под семьдесят, ну или сильно за шестьдесят. Одна херня, не пошла она никуда.

Нашёлся немец из репатриантов. Его контора тоже с Марьиной матерью дела вела. Но с Мзевинар Георгиевной, понятное дело, не забалуешь. А тут сразу неформальные отношения. Марья и в Германию собралась, потому что влюбилась, а не потому, что ей та стажировка была важна. В гробу она видала все стажировки. Она даже кандидатскую из-под палки защитила, мать настояла. В пионерском лагере такое называли «втюрилась». Или «втюрилась» – это когда записки через вожатых, взгляды на линейке и свидание за клубом? А тут они трахались даже у меня на коммунальной кухне на подоконнике с облупленной коричневой краской, пока соседи были на работе. Типа в гости зашли, и вдруг приспичило. Соседка как-то выползла из своего коридора с похмела кофе сварить, увидела всё это дело, заржала и припёрлась ко мне в комнату с сигаретой. Видимо, надеялась, что я, как модератор разврата, тоже её удовлетворю. Не, ну её нафиг. Я уже вляпывался однажды, потом хоть жильё разменивай: сразу претензии на всё.

И ведь поехала Марья, стажировалась в этом самом Wintershall Holding, откуда, собственно, сей немец и нарисовался. Жили под Берлином, пока не залетела. Марья спецом старалась забеременеть. А он, как оказалось, вовсе не хотел никаких киндеров, он, мне думается, вообще на патент метода белковой индикации нацелился. Записал её на аборт по расширенной страховке в берлинскую клинику, а там и заметили, не всё в порядке. Оперировали уже у нас, в Песочном, Бомбей через друзей устроил. Немец вроде как вначале деньгами предложил помочь, потом срыл. Ну, я его понимаю. На хера ему больная и бесплодная русская баба с грузино-татарскими корнями и склонностью к алкоголизму? Хотя это тогда он киндеров не хотел, а через пятнадцать лет я нашёл его в Фейсбуке. На фотках двое чернявых детей, тёлка какая-то тощая. Послал запрос во френды, думал, поможет разобраться с консультацией для Марьи в Charité. Но он сделал вид, что это не он. Обычно немцы так не делают. Впрочем, я сразу предположил, что он не из поволжских немцев, как уверял, а простой кишинёвский еврей.

Когда Марья в том же, третьем, году заявила, что выходит замуж за Олега, мы заржали. Не поверили. Ну, совсем они друг другу не подходили. Олег дочерью занимался, уроки с ней делал, на кружки возил. Ну и фирма у него эта разрослась, окна уже и по области ставили, ремонты всякие, монтаж-демонтаж. Там с середины девяностых половина наших впахивала. Частное предприятие для своих. А Марья – птица певчая, дурная.

Помню, когда ещё «Игры доброй воли» были, сняли мы вместе с Олегом квартиру у тогдашней жены Секи на Стремянной, ровно напротив «Эльфа»³. Сека с женой от города новую получили на Загородном, а эта типа осталась. Даже и не снимали, просто жили. Вначале коммуналку оплачивали, а потом и вовсе перестали, когда дом на расселение пошёл. Нам вначале электричество рубанули, мы соплю из соседнего дома кинули. Потом газовщики приехали, трубы отпилили. Хер с этим газом, не больно нужен. Потом воду перекрыли. Но мы под лестницей в ведра набирали и носили. Три зимы так пережили. Камин топили, обогреватели не выключались. Утром иней с одеяла стряхнёшь, из китайского термоса с цветами чай нацедишь – и в институт на работу. Вечером в стильную квартиру вернёшься, начнёшь топить. Дров до хрена было. В соседнем доме ремонтники паркет разбирали дубовый, выносили на улицу, а Олег мимо проходил. Дал на бутылку, всё к нам в парадняк и свалили.

Квартира знатная. Бывший особняк какого-то издателя, который чуть ли не Пушкина издавал. Большевики, конечно, поделили всё на равные части. У Секиной жены ещё прабабушка тут жила, актриса. Её именем театр назвали. От квартиры издателя остались кабинет и столовая. В кабинете панели дубовые по стенам, дубовый потолок, резьба по ореху и крас-

³ Кафе от ресторана «Невские зори», садик рядом с кафе был местом встречи неформальной молодёжи восьмидесятых.

ному дереву, камин мраморный. А в столовой всё в стиле Людовика какого-то: стены синие, лепнина белая, купидоны на потолке с неприятными лицами. У одного штукатурка, аккурат где правый глаз, отвалилась. Лежишь на кровати, а он на тебя сверху этим бельмом смотрит. Двери зеркальные, окна мутные на скверик. У нас в той квартире все обычно и паслись. Шутка ли, перекрёсток всех путей. Тут тебе и Литейный, и Владимирский, и Невский, и Пушкинская, «Эльф» опять же.

Однажды на мой день рождения Марья отправилась в ларьки на углу Марата за бухлом. А тут ливень. Такой просто тропический. Марья промокла, сняла платье, осталась в купальнике и платьем мыла лобовые стёкла припаркованных вдоль Стремянной машин. Ей махали и гудели. Мы смотрели из окна. Вернулась счастливая с бутылкой польского рома и бутылкой отвратительного бренди «Сльнчев бряг». Олег принёс полотенце, вытирал её и норовил приобнять, а Марья хихикала. Он потом ушёл её провожать на Петроградскую и вернулся только через неделю. Сказал, что развели мосты. Развели и развели, мне-то какое дело. Ну, положим, я сам имел на Марью виды, но это было не принципиально.

Кажется, в тот год я впервые задумался, что живу бессмысленно. Денег не хватало. К Олегу идти работать я не хотел. Чтобы подработать, устроились с Бомбеем мыть колбасу на Апрашку. Нужно было доставать из коробки батоны просроченного сервелата, мыть в тёплой воде от плесени, а потом натирать подсолнечным маслом. После этого они блестели и походили на свежие. Их выкладывали на подносы и уносили в ряды, где толкали за половину магазинной цены. Не помню, сколько мы зарабатывали. Видимо, не настолько много, чтобы не ходить в институт.

Институтское начальство не понимало, что дальше. Пока наши пропуска дотошно проверяли на вахте, какие-то весёлые парни проходили, кивнув охране. Первый отдел уже всю торговал секретными картами, а в столовском буфете на втором этаже вдруг пропали бутерброды с килькой и запретили приносить и разливать.

Марья у матери в лаборатории работать не захотела. Типа достал уже этот контроль и все дела. Устроилась к нам в институт, в международный отдел. Она окончила факультет раньше нас, хотя была младше на год. Два в минус – это наша армия. А один в плюс – её гениальность и вундеркиндность. Мы звонили ей по местному два-девятнадцать и спускались по лестнице на третий, нажимая «три – сорок семь» на кодовом замке. Этаж был режимный.

Это было единственное место в институте, не считая кабинета директора (но это по слухам), где была специальная кухня, уборная и комната для переговоров. Мы сидели на той кухне, и Марья приносила нам твёрдокопчёную колбасу, сроки годности которой «подходили», чёрную икру, оставшуюся от «встречи с партнёрами», тарталетки с красной рыбой, бутерброды с балыком и банки с пивом «KOFF». У пива не было срока годности. Пиво могло ещё пережить даже вторую чеченскую и присоединение Крыма, но Марья была щедра, а её начальник не слишком шепетил на этот счёт. В международном денег не считали.

– За науку!

И мы чокались дорогой и вкусной водкой «Абсолют-курант».

– За присутствующих здесь дам!

И мы вставали и пили с локтя, а Марья хихикала. Она любила нас одинаково. Меня и Бомбея. Мне кажется, что меня она любила больше, но всё равно не так, как моего отца. Отец работал заведующим кафедрой и однажды сказал ей: «Марья, ты похожа на Анастасью Кински». Всё. Она втюрилась в него по самые гланды.

На поминках по отцу Марья напилась и блевала в унитаз в квартире моих родителей на Говорова. Там отдельный санузел и сортир совсем маленький. Если бы я решил блевать в сортире, мне пришлось бы открыть дверь, но Марья была миниатюрна, потому она блевала при закрытых дверях. А потом, когда мама моя вымыла ей лицо, она сидела, укутанная в одеяло, на диване в гостиной и признавалась вдове в любви к её покойному мужу.

– Я мечтала бы от него детей.

Мама моя гладила её по голове и пыталась напоить горячим чаем с мёдом.

Отец мой не был святым, но зачем ему спать с идиотками? С идиотками спал я. Частенько, если Марья шеф уезжал на конференцию, мы, напившись среди белого дня в международном отделе, смотрели друг на друга специальным взглядом, потом вставали и закрывались на замок. Марья раскладывала диван в переговорной, доставала из шкафа бельё и опускала жалюзи. Иногда в дверь ломился Бомбей. Первый аборт Марья сделала от меня.

Расскажу. Однажды мы с Бомбеем получили зарплату, пошли на Апрашку, купили банку кабачковой икры, батон сервелата, коробку сникерсов, литровую бутылку виноградной водки «Керманoff» и отправились на Стремянную. Была середина декабря. Олег уже плотно ночевал в офисе. У него случился роман с секретаршей. В квартире было темно и холодно. Вначале я подумал, что выбило пробки и потому обогреватели не работали. Но оказалось, что работники ЖЭКа перерезали нашу соплю. Мы топили камин и говорили о бабах. После трёхсот грамм Бомбей сообщил, что они с Марьей решили пожениться. Мне было всё равно. Я от скуки второй месяц писал венки сонетов и думал о катренах и терцетах. Ещё я думал, что без обогревателей ночью факт, что околею. Мы допили водку, Бомбей уехал к себе, а я подвинул тахту к камину и уснул. Ночью проснулся от холода. Камин потух и дымил. Полчаса я пытался его вновь раскочегарить, потом плюнул, позвонил Марье, разбудил её и спросил, дома ли мать. Мзевинар оказалась в командировке. Я сказал, что сейчас приеду. Марья обозвала меня болваном и повесила трубку.

Я оделся, сунул в карман куртки зубную щётку, оставшиеся два батончика «Сникерса» и выскочил на улицу. Чтобы сократить путь, пошёл через отель. Возле круглосуточного обменника тусовалась центровая фарца. В холле первого этажа высилась поленница упакованных в полиэтилен финских ёлочек, предназначенных в номера. Я подхватил одну, прошёл насквозь через кафе, где шумела компания подгулявших американцев, миновал лобби, помахал рукой девочкам за стойкой и оказался на Невском. Метро уже закрылось, троллейбусы не ходили, а деньги на тачку я пожалел. На них можно было купить в ларьке у Марьиного дома польский ликёр и закуску. Сыпал снег. Пока я по Литейному добрался до Белинского, началась пурга. От быстрой ходьбы я вспотел. Ёлка казалась всё тяжелее.

На Марсовом поле какие-то ухари принесли скамейки к вечному огню и жарили сосиски с хлебом, нанизывая на пруты арматуры. Не братки, просто какая-то школота и бомжи. Если бы я был трезв, прошёл мимо. Но я был пьян, потому зачем-то принялся их стыдить. Самый борзый из компании вскочил и попытался дотянуться до меня ногой в прыжке, но я отошёл и принял его в челюсть прямой левой. Меня достаточно быстро сбили с ног и начали гасить. Кто-то кинул ёлку в огонь. Надулся и лопнул полиэтиленовый пузырь. Пуховик смягчал удары, голову я прикрывал. Наконец им надоело, они оставили меня отплёвываться кровью, а сами вернулись на скамейки. Я отполз на четвереньках в сторону, поднялся и, не оглядываясь, пошёл к Троицкому мосту. Мне в спину свистели и матерились.

На петле у памятника Суворову стоял рабочий трамвай. Бригада копошилась в отдалении. Я заглянул в кабину – пусто. Вскочил, забрался на место вагоновожатого, поднял пантограф и поехал. Там большого ума не надо. Сколько раз, стоя у кабины, смотрел, как это делается.

Трамвай, разгоняясь, мчал по Троицкому мосту. Сзади бежали рабочие, я видел их в зеркало. Но вскоре в зеркале остались только яркие от фонарей снежинки. Возле особняка Кшесинской остановил вагон перед стрелкой. Я не знал, как её перевести, но видел, что обычно что-то ковыряют ломом. Поискал лом, нашёл за сиденьем и выбрался из кабины. На углу целовалась парочка. Девочка посмотрела на меня с интересом, а парень с ужасом. Из моей разбитой брови сочилась кровь и сбегала струйкой по щеке за ворот пуховика. Я помахал девочке рукой

и принялся курочить рельс. Но что-то я делал не так, и стрелка не переводилась. Я плюнул, вернулся в кабину, выключил ток, опустил пантограф, достал из кармана «Сникерс» и примостил его на приборной панели. Лом, на всякий случай, я захватил с собой.

Через двадцать минут я уже звонил в домофон к Марье. Она открыла заспанная, в пижаме, охнула и после пол часа обрабатывала мне ссадины и раны. Презервативов в доме не нашлось, и мы до утра практиковали прерванный половой акт. Но, наверное, что-то я опять делал не так. Марья залетела и отправилась на аборт, не сказав мне. У меня и без того образовалось до хера проблем: в институте наконец решили сократить наш с Бомбеем отдел. К тому же на Стремянную пришли рабочие и настала пора вернуться в родительскую квартиру.

Если тебе задурили голову, не значит, что говорили ерунду. Пойми, в геологии, как и в других науках, постоянные терминологические споры. А тут ещё прилипла геммология – сравнительно новая дисциплина о драгоценных и ювелирных камнях. С этими вообще сложно: одни школы считают рубин ювелирной разновидностью красного корунда, а другие – отдельным минералом. По мне, так с хера это отдельный минерал, когда одна и та же химическая формула Al_2O_3 ? Простой оксид алюминия. Есть, конечно, мусорные примеси хрома, железа, титана, ванадия. Но они во всех разновидностях и есть. Процентное соотношение только разное, да и то не фатально. Основные петрофизические свойства одинаковы. Понятное дело, что и сингония, то есть группа кристаллографической симметрии, одна и та же.

Благородный корунд или рубин – красный и прозрачный. Вообще, красный цвет получается за счёт присутствия в кристаллической решётке изоморфных присадок хрома. В рубине от десятой доли до четырёх процентов. Но, например, на ювелирном рынке ценятся бирманские рубины, там оксида хрома около двух процентов. У нас, на Полярном Урале, где мы работали на разведке хромитового месторождения, я собирал коллекционный тёмно-красный рубин. В нём чуть меньше трёх процентов оксида железа и на полпроцента оксида титана. А оксида хрома, напротив, почти четыре процента.

По твёрдости красный корунд уступает только алмазу. У того твёрдость – десять, у этого – девять по шкале Мооса.

Что касается метафизики, считается, рубин спасает от тяжёлых болезней и дарует ясность мыслей. Я не замечал. У Марьи, кстати, было ещё бабушкино кольцо с рубином, добытым на Памире. Если она не отнесла его в ломбард вместе со всеми кольцами и серьгами, полученными от Игоря Ревазовича, то оно где-то лежит. Красивая вещь. Жаль, если ушла.

В последнюю неделю января девяносто шестого мы вывозили оставшуюся мебель и вещи к Секе на Загородный.

– То, что мои друзья мудаки, характеризует меня скорее положительно, – это Сека.

Сека умеет сформулировать и подбодрить. Мы как раз подняли пианино по лестнице на Загородном уже на два пролёта. Это он изрёк, когда обнаружил меня с перфоратором, херачащим угол. Пианино не проходило.

Мы только что спустили инструмент со второго этажа на Стремянной, но там были широкие пролёты чугунной литой лестницы, а тут узенький проём бывшего чёрного хода. Ровно под квартирой обменник, над квартирой, как уверял Сека, круглосуточный бордель. Отличное жильё, на мой вкус!

Сека командовал, мы грузили. На пианино в семье Секи никто не играл, но оно принадлежало бабушке Секиной жены, племяннице известной актрисы, именем которой назван театр. Это был «Blutner» одиннадцатого года с подсвечниками и гербами. Кстати, звук инструмент имел феноменальный. У Олега были ключ и камертон. Он ещё на первых курсах халтурил настройщиком. Вот и этот гроб настроил, и я лабал на Стремянной Шевчука «Ты не один» с триолями.

«Ты-ы-ы... Ты не один!» – орал я. И толпа пьяных гостей мне подпевала. Кто-то из девушек потом задерживался до утра. Иногда две сразу. Иногда три. Это было самое лучшее, я отползал на край кровати и засыпал, пока они возились и сопели. Утром оставалась одна. Всякий раз это было лотереей. Я загадывал, но никогда не угадывал. Я вообще плохо разбираюсь в людях. Марья мне о том говорила, и не раз.

В кухню мы инструмент, конечно, втащили. А потом до трёх утра тем же перфоратором, попеременно с Олегом и Бомбеем, делали проход в стене. Снизу никто не стучал, парням в обменнике шум был привычен. Сверху иногда спускался дежурный сутенёр и просил минут сорок подождать, пока уйдёт важный клиент. В эти сорок минут мы успевали съесть очередные пол-литра «Посольской».

В шесть утра я пьяный в говно позвонил Марье и пригласил в гости. Марья приехала в восемь, когда всё уже закончилось, но с жареными пирожками и салатом из крабов. Жена Секи матюгнулась и ушла в комнату. Она и до того была не рада происходящему. Мы выпили бутылку «Чинзано», что принесла Марья, и бутылку «Посольской», что у нас оставалась. Никто не спорил, кому спать с Марьей. Кто пригласил, тот и спит, – это правило. Нас положили на полу в крохотном кабинете, между «Блютнером» и стеной, спешно убрав осколки кирпичей и приспособив вместо матраца разломанную картонную коробку из-под телевизора «GoldStar». Нам и того хватило. В какой-то момент Марья хотела закричать, но я зажал ей рот ладонью в кирпичной крошке и поцарапал щеку. Утром, в час дня, я целовал эту царапину. А потом она мне рассказала про аборт, и меня вырвало.

Где-то там, в маленькой комнатке, в которой потом спал Васечка, Василий Сергеевич, сын Секи и его первой жены, там, в потусторонней темени конца января, я в очередной раз влюбился в Марью навсегда.

У Марьи был такой смешной голос. Словно ребёнка попросили громко позвать родителей. Марья звала. Приходили мы и оставались с ней кто на ночь, кто на месяц. Встречались потом на Марьином дне рождения.

- Что там у тебя и как?
- Нормально. А у тебя?
- Зашибись. Марья опять учудила.
- Да знаю уже. Дурища.

Никто ни к кому не ревновал. Мы любили её без любви. Нет, мы её очень любили, но не так, чтобы жить всю жизнь или воспитывать общих детей. От Секи она сделала второй аборт. От Фолкнера третий. Бомбея она к себе не подпускала. У Марьи было двенадцать аборт. Помню, что эта цифра меня поразила, и я стыдливо решил, что Марья – всё-таки блядь. Как она только ничего не подхватила, а мы вслед за ней.

Мзевинар. Мзевинар Георгиевна, так звали Марьину мать. Она устроила меня к себе в лабораторию в девяносто четвёртом, после того как умер мой отец. В институте почти не платили, она решила поддержать сына коллеги. Хороший поступок. Мзевинар была профессором кафедры, располагавшейся в НИФИ этажом ниже той, которую окончил я и где работал мой отец. Ходили слухи, что она была его любовницей. Всё может быть. Красивая женщина, яркая. Отец любил таких. Мзевинар смотрела на меня, и мне казалось, что она пытается разглядеть в моих чертах отца. Не получалось. Я скорее похож на маму. И вообще мне вся эта их история не нравилась.

Мзевинар изобрела метод поиска углеводов по белковой индикации и в перестройку первой в городе организовала частную лабораторию. Собчак называл её: «Наша гордость!» Марью во все патенты вписали соавтором метода. Под лабораторию снимали чердак в Докучаевском институте на Стрелке. Там работала половина сотрудников кафедры. Им от универа семь минут, мне от Стремянной минут двадцать пять на троллейбусе. Удобно.

Мзевинар взяла меня на работу сторожем в декабре. Я числился сторожем на половину ставки и на четверть ставки впахивал инженером. На самом деле, впахивал я за троих инженеров целую смену – восемь часов. Всякой оргтехники в лаборатории было полно. Ночами я рисовал на компьютере стратиграфические колонки для отчётов, геологические разрезы или верстал таблицы. Если оставалось время, подделывал печати таможни для перегонщиков машин, проездные карточки, топливные талоны и прочее говно за небольшую денежку со стороны. Хорошо, кстати, насобачился работать в Corel. Утром я отправлялся к себе институт и клевал носом за столом. Делать там было нечего. Если не было Марьиного шефа, спал на диване в международном отделе. Секса у нас с Марьей стало заметно меньше. Я упахивался, ну и разгружался на стороне.

Иногда приезжал вечером из института и обнаруживал, что в лаборатории ещё полно сотрудников. Это означало, что лавка на неделю перешла в режим сдачи отчёта. Но такое случалось раз в два месяца. Обычно я оставался ночью один. Хуже, когда оставалась Воднева. С некоторых пор это случалось всё чаще. Воднева числилась ведущим инженером и была старше меня на семь лет. Однажды во время отмечания дня рождения Мзевинар в Докучаевском я нечаянно трахнул Водневу в гардеробе, постелив на пол чью-то шубу. Не то чтобы она была какой-то уж очень страшной. Нет, вполне употребимая: очень высокая, незамужняя, с широким тазом, короткие светлые волосы, неглупая, маленькая грудь. Разве что рот казался большим, оттого в её облике проскальзывало нечто брезгливо-жабье. Но в конце концов даже в этом можно было углядеть некую пикантность. Однако была она из породы навязчивых, липнущих. Я таких тёток инстинктивно избегал и избегаю, слишком тревожные.

Ещё подходя к Докучаевскому, я видел свет в её кабинете и уже знал, что отвертеться не получится. Она употребляла меня всю ночь, с небольшими перерывами, за которые я успевал нарисовать хотя бы одну стратиграфию. Всякий раз она кричала. И всякий раз перед этим, задыхаясь, заставляла признаваться в любви, и я врал, что люблю её. Я её не любил, но мало ли я соврал в жизни.

Вообще, вся эта ботва мне изрядно мешала. Приходилось в свободные от Водневой ночи делать тройную работу. На халтуру времени не оставалось. Я злился. Иной раз, заметив свет в Водневском кабинете, я разворачивался и шёл на остановку. Потом звонил Мзевинар и ссылался на недомогание или на жуткую загрузку в институте. Если вначале Мзевинар относилась к этому благосклонно, то со временем я начал чувствовать в её голосе раздражение начальницы.

Уволила меня Мзевинар только в ноябре, через месяц после того, как встретила утром на кухне. Она про нас всё поняла. По тому, что говорила Марья, по тому, как я краснел, сложно было не догадаться.

– Что у тебя с Беркутовым?

– Мзия!

Марья звала мать домашним именем.

В день, когда меня уволили, я был в отгуле, и мы уже с моей мамой покупали ей телевизор. Я заработал неплохие деньги, расплатился с долгами, оставшимися после похорон отца. Мы купили телевизор «Gold Star», как у Секи, дотащили его до троллейбусной остановки, а потом до лифта. Емельяна, секретарь кафедры и по совместительству лаборантка у Мзевинар, позвонила на мамин домашний, когда я только вносил телевизор в квартиру. Я им все свои телефоны оставил: институтский, Стремянную, ну и мамин на всякий случай.

– Дембечка, прости, но мне поручили сказать, что ты уволен.

Я рассмеялся. Емельяна тоже.

– Это Воднева всё. Хочет кого-то из своих на твоё место.

Но я знал, что причина не в Водневой. Воднева бы меня ни за что не отпустила.

Как-то во время очередной глобальной попойки на Стремянной заявила Марья с американцем. Сказала, что подобрала его у магазина «Художественные принадлежности» в самом начале Невского. Тот стоял и смотрел в карту. Марья якобы подошла, ткнула пальцем в карту и сказала: «Сюда! Здесь хорошие люди».

Мы поверили, что она предложила незнакомому иностранцу пойти в гости к хорошим людям, то есть к нам, и этот дурачок сразу согласился. Вообще-то её из деканата попросили этого фрукта встретить и поселить в общагу. Впрочем, Марье невозможно отказать. Она такая фигуристая, маленькая, аккуратная, в коротком платье. Глаза карие, почти чёрные, причёска как в голливудских фильмах. Икры тонкие, запястья в браслетах.

Прошли с ним вдоль всего Невского, причём американец тащил на плечах огромный рюкзак. Он только что вылез из экспресса возле касс Аэрофлота. Американца звали Уильям. Мы сразу окрестили его Фолкнером, и он не был против. Фолкнер там у себя выучился не то на геоморфолога, не то на переводчика-синхрониста, я так и не понял. Но магистерская у него точно была по гидрогеологии. Станный тип. Решил, что нужно для закрепления знаний ехать в Россию. Сказал, мол, всё происходит в России, а в остальном мире скука и гниль. Левак. Ну, то есть левый. Не «левый», как ненужный, лишний, а типа социалист, троцкист, всё как они любят. Ещё три дня назад он жил у себя в Филадельфии с мамой и бабушкой. И вот он уже пьёт у нас на кухне «Сльнчев бряг», сидя на полу, и спорит с каким-то лысым и бородатым мужиком о Достоевском и о том, куда катится этот мир. Куда катится? Куда надо, туда и катится, главное, не мешать.

Вечером Марья ушла домой, оставив пьяного Фолкнера спать в стоящей в прихожей чугунной итальянской ванной. Он в этой ванне прожил у нас месяцев восемь, пока его не выгнал Сека, да и то лишь после того как Фолкнер устроил в комнате с купидонами на потолке склад медтехники и наборов для рожениц. Бедолага подрядился помогать очередной америкосовской миссии распределять гуманитарную помощь для роддомов. Но миссия спешно закрылась, бросив на Фолкнера разборки с бандосами и несколько сотен коробок, которые мы с ним привезли на Стремянную за три ходки на грузовике фирмы «Найдёнов и компаньоны».

Вообще, от Фолкнера была масса пользы. Например, он научил нас готовить пиццу. До него никто из наших пиццу не делал, даже тёлки. Впрочем, и пиццерий ещё по городу не пона-тыкали. Главным итальянским блюдом мы считали макароны с сыром и кетчупом. Фолкнер сказал, что макароны – это скорее американская еда. Не знаю, я так ел с самого детства. Кетчуп, конечно, болгарский в маленьких стеклянных бутылочках. Его надо было вытряхивать.

Он соорудил пиццу в первый же вечер. Фолкнер спросил, есть ли в доме мука и работает ли духовка. Духовка тогда ещё работала, газ отключили лишь следующей осенью. Мука нашлась блинная, но Фолкнера это не смутило. Он только сказал, что всегда мечтал поесть блины с икрой. Ха! Мы привыкли к блинам со стужёнкой, сметаной, ну или на худой конец с фаршем. А икра в блинах была просто фантазией с рекламных плакатов фирмы «Intourist», висящих в магазине «Берёзка». Фолкнер порубил всё, что нашёл в холодильнике, замесил и раскатал бутылкой тесто в размер двух противней и выложил поверх чайную колбасу ломтиками, китайскую ветчину из консервной банки, сосиски, варёные яйца, маринованные огурцы, горох, обветренные куски российского сыра, шпроты, яблоки, остатки подтухшей в супе варёной курицы и брусничное варенье. Через двадцать минут мы уже этим закусывали. Получилось весьма недурно.

Вообще, мы его пытались отучить пить с закуской. С закуской бухла уходило больше. Но тут он оставался непреклонен: «Дедушка говорил мне закусывать». Крыть было нечем. Дедушка воевал на Окинаве, потом работал на Форда в Детройте, ушёл на пенсию, дожил уже до девяноста, ушёл от надоевшей к тому времени бабушки, женился на пятидесятилетней потаскухе из бостонского борделя и, по словам самого Фолкнера, помирать не собирался. И

ещё он всю жизнь закусывал даже виски. Приносил с собой в бар куриные ножки в картонном стаканчике и жрал их, раздражая бармена. Это Фолкнер показывал в лицах:

– Я ему, мол, дед, в баре не едят, тут только пьют. А он мне: «Fuck you, Junior!» И машет у меня перед носом ножкой из «Кей-Эф-Си». У вас есть «Кей-Эф-Си»?

«Кей-Эф-Си» у нас не было. Кстати, Марья рассказывала, что однажды было совсем смешно. Фолкнер на третью ночь в Петербурге проснулся всё-таки у неё на Карповке и решил подать завтрак: яичницу с беконом и стакан апельсинового сока. Пошёл в магазин. Пропал на два часа, вернулся в недоумении, не найдя ни бекона, ни апельсинового сока.

– У вас не продаётся orange juice?

Сейчас, когда вижу ряды коробок с апельсиновым соком в «Пятёрочке», я всякий раз вспоминаю Фолкнера.

От Фолкнера Марья тоже делала аборт, но где-то через год, после того как его со Стремянной выпер Сека. Они прожили у неё месяц и одну неделю, пока Мзевинар решала вопросы с клиентами в Татарстане. Фолкнер даже хотел на Марье жениться, но она его погнала перед самым приездом матери. Фолкнер вернулся бы к нам в ванную в прихожей, но мы к тому времени уже съехали. На Стремянной шла стройка. Фолкнер снял комнату где-то во дворах на Ветеранов и начал писать стихи на русском языке. Насколько я разбираюсь в поэзии, весьма недурные. Если бы не сторчался, писал бы и сейчас. Он как-то подарил мне сборник, вышедший в «Геликоне» у Житинского. Весьма наглая рифмовка. Так рифмуют большие мастера или шпионы. Говорят, на спецслужбы работают целые отделы славистов, иногда даже, ничего не подозревая, большие поэты. Например, Josef Brodsky.

О том, что Фолкнер на самом деле шпион, предположила в шутку именно Марья.

– Ну, посудите, какой нормальный американец, окончивший вначале Итон в Англии, а потом Гарвард, будет жить в однокомнатной квартире в Весёлом посёлке! Это ненормально.

Фолкнер действительно наконец-то купил однокомнатную хрущёвку, в то время как свою квартиру в Бостоне, оставшуюся от деда (тот пожалел внука и благополучно помер), сдавал. За неделю до смерти дед вызвал в больницу лоера и оформил развод со своей шлюхой. У них был хитрый брачный контракт, который составлял всё тот же лоер. В противном случае не видать бы Фолкнеру квартиры. Несостоявшаяся вдова проникла в жильё в присутствии нотариуса, чтобы забрать причитавшиеся ей две картины Шагала, расколошматила всю посуду и насрала на диван, не нарушив при этом ни одного закона штата Массачусетс. Диван пришлось выкидывать. Фолкнер проторчал в Америке полгода, решая вопросы. Раз в три дня он звонил Марье и читал новое стихотворение, посвящённое ей. Марья протягивала мне трубку, и я слушал. Там шипели пузырьки страсти. Было очень похоже на Josef Brodsky. Впрочем, я так тоже умел.

Сиж у себя на Горьковской. Нос распух и болит. Вроде не сломан, но, может быть, и сломан. Если честно – по барабану! Ночью по пьяной бане собрал чемодан, решил ехать утренним «Сапсаном». Забыл, наверное, что в Москве уже не живу. Барагозил до пяти утра. Курил на кухне, кофе варил. Целовался с соседкой в узком коридоре: «Тс-с, дочка не спит!» Наконец сморило, лёг вздремнуть, проснулся в десять. Сходил в уборную, нашёл в холодильнике «хугардн», выпил стакан. Постучался к соседке. Дочка в школе. Выпили кофе, потрахались. На похмеле самое оно! Она курит в постели, лезет делать минет, а потом целоваться. Чуть не вырвало, но сдержался. Вернулся к себе, выпил ещё стакан, лёг спать. Слышал сквозь сон, стучалась – не открыл. Проснулся в четыре. Семь звонков от Бомбея. Ну и сообщений с десятков. Стыдно ему. Пусть пострадает гондон толстожопый. Вот с хера ли такая история? Нам что, тридцать лет?

Если сломан, заживёт за две недели, следов не останется. Если не сломан – тем более. Жалею, не расселил квартиру, когда была возможность. Но задурил, вложил в разный блудняк. Везде прогорел. Третий год деньги вытаскиваю. Составили ещё с юротделом холдинга

иски, авось обломится. Но ворон ворону глаз не выклюет. Я же для них свой оказался. Такой же шнырь, только по коммерческой недвижимости. Нормально всё будет. Или нет?

Промаялся до шести вечера. Наконец оделся и вышел на улицу. Вначале пошатался по району, дошёл до Горьковской. Люди не то что шарахались, глядя на меня, но... Ну да, шарахались. Рассмотрел своё отражение в дверях цветочной лавки – бомж: бланши под обоими глазами, нос сливой. Ушёл от света в полумрак Александровского сада, потом мимо Сытного рынка переулочками на Ленина. И как-то, сам не заметив, дошёл до Марьи. Позвонил. Мне открыли.

Сека придумал, как всем нам заработать. Решил, что озолотимся, если станем собирать э-ве-эмки типа «спектрумов» и продавать «на толпе». Договорился на заводе при институте насчёт стальных корпусов, съездил на ЛОМО, где заказал джойстики и клавиши, начинку всякую знакомые аппаратурщики обещали подгонять, как и процы зилоговские россыпью и всю остальную байдю. Сека во Дворце пионеров в радиокружке занимался, потому он платы разводил и паял, жена Секи клавиши из заготовок выламывала, я всё это дело в корпуса вставлял и тестировал. Даже Бомбей джойстики из половинок собирал.

Вечером в пятницу приходил Константин Хусеинович, доцент с геофизики, Марьян папаша. Они с Мзевинар лет десять уже как были в разводе. Но бывшая жена его хорошо натренировала. Спокойный такой. Мы его за глаза прозвали «Старик Хусимыч». Прикольный дядька. Марья ростом в него пошла, не в мать. Хусимыч укладывал стопкой два десятка компьютеров в коричневый чемодан с наклейкой, на которой шариковой рукой было выведено «Мария Романова, 3 отр.», набирал в заплечный «Ермак» джойстики и уезжал к себе в Автово. Он там после развода обитал в коммуналке на улице Зенитчиков. Это, в принципе, совсем рядом с квартирой моих родителей. Утром оказывался на «Юноне» одним из первых, устанавливал складной столик, водружал на него телевизор «Витязь» на аккумуляторах и начинал торговлю. Вид у Хусимыча был серьёзный – очки, борода; потому покупатель шёл. В воскресенье приезжали мы с Бомбеем и вставали в другом ряду. Бизнес процветал, пока Сека не начал жадничать и вещать, что это его фирма. Конечно, жена подговорила, Сека до такой глупости сам не допёр бы. Ну, Бомбей как-то в субботу и психанул, обозвал Секу марамоем. Сека в ответ Бомбея – толстожопым гондоном. Бомбей отоварил Секу крюком слева в ухо. Сека – коленом Бомбею по шарам. Хрен знает, чем бы закончилось, но позвонили в дверь. Пришёл Хусимыч. На толпе какие-то новые молодые рэкетеры отобрали у него и разбили вдребезги пять компов, разбили телевизор, а самого тоже изрядно поколотили, когда он отказался платить. Кстати, так и не заплатил. Принёс деньги за проданное в потайном кармане.

Сека повёл себя благородно, сказал, что за разбитые «спектрумы» денег не удержит, ещё и добавил от себя сорок баксов «на лечение». Бомбей Секе за это руку пожал. Сека извинился за толстожопого гондона. Хусимыч вытащил из чемодана литровую лимонного «Зверя», которую купил в ларьке на Владимирской. Короче, помирились и решили, что назавтра Хусимыча на толпу не пустим, сами поедем. Бомбей раздухарился и вдруг очень скоро накидался. Смотрим, они уже с Хусимычем на брудершафт пьют. Выпили, облобызали друг друга, как Брежнев с Хонеккером, и Бомбей на одно колено опустился просить у Хусимыча руки Марьи. Мол, любит, аж не может жить без неё. Хусимыч от водки потёк мозгами и как-то быстро дал согласие. Опять выпили, Хусимыч приказал Бомбею теперь называть его папа, а Бомбей попросил его звать Андреем. Мы и забыли, как Бомбея зовут: Бомбей и Бомбей ещё с первого курса. А он Андрей. Как-то не вязалось. Да и хрен с ними. Сека на ход ноги стошку опрокинул и домой отправился, я тоже спать свалил в комнату с купидонами. А эти за водкой ходили вдвоём, бухали часов до трёх. Мне в уборную ночью приспичило, они ещё в обнимку сидели, пели про солнышко лесное.

Утром Сека дверь открыл, Хусимыч на кухне, голова на столе, храпит. Бомбей у себя в кровати, но в ботинках. Толкнули пару раз для проформы, решили не будить, бесполезно. Собрали в рюкзаки «спектрумы», джойстики, поехали. Вылезли ещё в половину восьмого на Автово, ломанулись вместе с толпой на трамвай. А это конец ноября. Темень. Холодрыга. На остановке давка, трамвай берут с боем. Все с сумками, рюкзаками, столиками раскладными, что туристы какие-то. Все спешат к открытию лучшие места занять.

Нам повезло. Встали на точку, где Хусимыч обычно торгует. Это между рядами, недалеко от входа. Расположились. Подошёл мужик от администрации, который билеты на торговлю продаёт. Мы ему, мол, тут мальчик-подмастерье наш давеча стоял, так побили. Что за дела? А мужик глаза отводит. То да сё. Ну да, новая крыша, пятьдесят баксов с точки за день, если техника какая. Если кассеты, то двадцать берут, со всяких контейнерщиков с чайниками сотню.

Сека аж ростом выше стал. Так-то он метр шестьдесят. А тут на носках приподнялся.

– Сколько? Да это грабёж! А что менты?

Оказалось, менты в доле. Вчера типа вызывали, так подъехали, походили между рядами и скипнули, даже протоколы не стали оформлять.

Это, конечно, по беспределу. Прошлая крыша с администрации налог брала. Нам под эту марку ценник на билеты в три раза увеличили. Так-то всё равно пять баксов. Ощутимо, но не смертельно. А получается, что те пять, да эти писят, вот с хера ли? Это два «спектрума», а у нас и так на них навара по семь баксов с одного. Итого получается, что четыре в минус. На хрен такой бизнес. Для справки: у меня месячная зарплата инженера второй категории в институте восемьдесят бакинских была.

Короче, поторговали до часу дня, продали шесть штук, да и от греха подальше засобирались. И только оставшиеся шесть в рюкзаки распихали, по рядам шухер: «Идут!» Сека говорит: «Давай столик оставим, не жалко, а сами прикинемся покупателями».

Столик бросили, ну и пошли вдоль ряда, делаем вид, что кассеты с играми и программами смотрим. Тут эти. Четверо в коже и спортивках.

– Чтoб они яйца себе отморозили! – это Сека мне в спину буркнул.

Сека заводной, хуже Бомбея. Я из них самый спокойный. Или просто бзжу. Зубы ещё все свои были. Берёг.

Торгаши им баксы протягивают. Те лыбятся.

Рядом с нами оказались, Сека деньги какие-то из кармана выудил и суёт мужику за прилавком.

– Нам «Энциклопедию», «Графические программы» и «Текстовый редактор». А есть какие-нибудь для программирования?

Тот, понятное дело, на нас не смотрит, баксы рекетирам готовит.

Вдруг меня кто-то за рюкзак дёрнул. Я обернулся. Ещё один, в коротком «Пилоте» и красном «Адидасе».

– Чё внутри?

– Спектрумы, – говорю.

– Покажи.

Я рюкзак снял, раскрыл. Тот заглянул.

Писят с тебя.

Тут Сека вклинился:

– Товарищи разбойники, мы для класса программирования их только что купили. Нам завуч деньги под честное слово выделила. Не хватило, ещё своих доложили. Завтра уже первый урок у пятиклашек. В натуре, не при делах.

Этот в красных штанах посмотрел нехорошо и кулаком не Секе, а мне под дых. Я задохнулся.

– Не борзейте, лохи! Ещё раз с товаром увижу... Понял?

– Понял, – сиплю, – чего же тут непонятного. Да нам больше денег и не дадут, у школы спонсора убили.

Кто спонсор?

– Из тамбовцев кто-то.

Что меня дёрнуло про тамбовцев... Но прокатило. Этот в красных штанах как-то иначе на меня посмотрел.

– Школа какая?

– Здесь, – говорю, – в Автово, математическая.

А я в девятом и десятом, правда, в матшколе районной учился.

Этот в штанах назвал номер.

– Ага, – говорю, – на Автовской.

Смотрю, совсем другой взгляд стал.

– Ладно, учителя! Звездуйте отсюда. Лупачёву энвепешнику вашему от Трояна привет передавайте. Хороший мужик, человека из меня сделал. Не то что Валерия, историчка-истеричка. Классной у меня была. Та ещё сука. Из-за неё в ЛИАП⁴ не поступил. Характеристику накатала, никто брать не хотел, только в Лесгафта⁵ и приняли.

На обратном пути Сека молчал, а уже когда в метро вошли, сказал, что бизнес надо сворачивать.

– Это нерентабельно. Математик нас срисовал, теперь полуторами сотен не отделаемся. Огрёбём и по тройному тарифу заплатим. Знаю я эту публику.

Литоринное море – море, которое плескалось здесь на месте Балтики. В этих местах тогда было значительно теплее. По мне, так это всё тоже Балтийское море, только до регрессии. Так что дворцы Петергофа, Стрельны, Ораниенбаума, усадьба Новознаменка в истоке улицы Пионерстроя, пансионат «Красные зори», некогда мной любимый за запустение, и, наконец, пятый автобусный парк в Автово – всё стоит на древнем берегу, литоринном уступе, или, как его ещё называют, глинте. Уступ становится заметен в Автово возле Красенького кладбища, там это метра два. Чуть дальше, в районе ДК «Кировец», метра четыре, в створе улицы Солдата Корзуна, напротив корпусов «Корабелки» – все шесть. Здание администрации Красносельского района возвышается над остальным пейзажем уже метров на двенадцать. В районе Петергофа – все шестнадцать, а парк при БиНИИ, бывшая усадьба Сергиевка, где из гранита рапакиви высечена каменная голова, на взгляд, метров на тридцать выше нынешней береговой линии.

Как-то с Секой и маленьким Васенькой скатывались от галереи усадьбы на ватрушке. Не рассчитали, что внизу незамерзающая канава. Плюхнулись прямо в её центр. Стукались потом в окна лаборатории, чтобы пустили погреться. От жены Секи влетело всем троим.

На севере города литоринный уступ – это поклонная гора и отроги в парке Сосновка, парк Челюскинцев, ныне Удельный. Зимой с литоринного уступа Удельного парка дети катаются на санках. Нам с тобой езды минут двадцать мимо Чёрной речки. Это если без пробок. Когда девочка родится, будем ездить туда кататься.

Кстати, помнишь, ходили на Пушкинскую, 10? Удивись, но вход с Лиговки, там, где храм Джона Леннона, ровно на литоринном уступе. А если смотреть дальше от нынешнего берега залива и Невы, то километрах в пяти – десяти, есть следующий уступ, это следы последней трансгрессии. Скажем, Пулковские высоты – это тоже берег моря. Ладожское озеро не было озером, а было заливом Литоринного моря, которое, в отличие от нынешнего Финского залива и всей остальной Балтики, солёностью не сильно уступало Северному

⁴ Ленинградский институт авиационного приборостроения (здесь и далее примечания автора).

⁵ Институт физической культуры им. Лесгафта.

моря. Это понятно по анализу отложений четвертички последних четырёх – десяти тысяч лет. При последней трансгрессии моря открылся пролив Эресунд между островом Зеландия и материковой Швецией. Через него, судя по всему, и хлынула соль Северного моря. А там солёность более тридцати промилле, плотность выше, вода теплее и глубина больше. Тёплое и солёное поднялось к нам сюда. Там тепло от Гольфстрима, а у нас холодно и пресно от всех этих рек, что текут в Балтику, ну и вообще – следы оледенения. Ледник-то спёлся каких-то одиннадцать с половиной тысяч лет назад. Уже на памяти современного человечества.

И да, все эти огромные валуны притащил сюда ледник.

В институте который месяц подряд задерживали зарплату. Однако не всем. Марье платили, и платили в валюте. Сто сорок долларов в месяц. Это были хорошие деньги. Не знаю, как там начальство оформляло. Директор, по слухам, брал кредиты и спал с пистолетом под подушкой. Пустил арендаторов. Времена начались странные. Марьин шеф до перестройки служил советским резидентом-нелегалом в Канаде, был раскрыт в середине восьмидесятых и бежал через Исландию на лодке. Таким людям зарплату нельзя не платить. Такие люди у штатников, например, вызывают уважение – солидная контора. Марье шеф тоже выбил деньги. Кажется, это официально называлось «представительские».

Марья нас с Бомбеем подкармливала. Но мы уже намылились прыгнуть из лавки. Вокруг все говорили, что нашей науке кабзда. Я учился верстать на компьютере, Бомбей барыжил лесом и сигаретами. Целыми днями он сидел на телефоне в нашем отделе, (АОНЫ этот номер почему-то не пробивали): «Кругляк евростандарт, шесть вагонов, второй в цепочке, можно по бартеру за «самары» или «восьмёрки», есть «Марльборо», сорок коробок на сладе в Шушарах, в цепочке третий».

Пока мы столовались в международном, мужики в нашем отделе с одиннадцати утра пили разведённый спирт. Спирта было в достатке, почти неограниченное количество, его раз в квартал выписывали по числу приборов, стоящих на балансе. У нас одних гравиметров числилось двадцать штук, столько же магнитометров. Если Марьин шеф оказывался на месте, мы оставались в отделе. Из огромного крафтового мешка набирали картофельные хлопья и разводили пюре. Из другого мешка, привезённого с последнего поля за Полярным кругом, брали сухари, которые размачивались в алюминиевых кружках. Во व्यючниках хранились банки армейской тушёнки в солидоле. Но тушёнку экономили: «Вы сюда не жрать пришли!»

К двум часам все уже были в говно и тихо утекали через проходную. Наконец из-за стола вставал начальник, огромный и тяжёлый, как утюг-переросток. Он рисовал пальцем над головой круг, что означало – «закругляйтесь», печатывал лабораторию, той же печатью – портфель с картами, сдавал портфель через окно в железной двери режимного отдела, и дальше мы шли втроём с Бомбеем к пивному ларьку на угол Слободской и проспекта Обуховской обороны. С поздней осени там доливали в кружку подогретое пиво из чайника, кипящего на плитке. Потом перемещались в соседнюю разливаху за углом, где брали ещё по сто и по бутерброду с яйцом и майонезом. В разливаху тепло пахло водкой и колбасой.

– Всё. К ебням! – начальник шумно выдыхал и плыл между столиков к выходу в начинающиеся сумерки. Шёл галсами, как идут крейсера, совершая противолодочный манёвр.

На его место сразу кто-то подвигался со своими стаканами. Двое или трое. Словно все-ленная открывала вакансии. Новые смотрели на нас выжидающе. Мы доедали бутерброды, относили посуду на мойку и тоже тянулись к выходу. Сзади звенели стаканы и раздавалось обязательное «Серёга, интеля отбомились, иди к нам». Серёга шёл.

К декабрю деньги от «спектрумов» кончились вчистую, и на работу ходили пешком, чтобы сэкономить хотя бы на тройку «Балтики». От Стремянной до Фаянсовой пятьдесят семь минут, а от Фаянсовой до Стремянной час пятнадцать. Обрато мы не торопились. Мы и в

институт спешили скорее по привычке, на вахте перестали отмечать опоздания. Это, кстати, был плохой знак.

Как-то в пятницу возвращались втроём с Марьей по Старо-Невскому. Мы её обычно на Маяковской в метро опускали, а тут посмотрела на наши кислые рожи, купила на углу Марата литрового «Распутина», банку кабачковой икры и батон. Пошли к нам. Поднялись на второй этаж, открыли дверь, слышим – в недрах квартиры что-то бахает. Бомбей за топор, которым мы дрова для камина рубим, я за ножку от стула. Бомбей на Марью зыркнул, палец к губам. Мол, тс-с! Идём тихонько. Хотя с хера ли тихонько, паркет скрипит. В кабинете темно, в стеклянных дверях столовой свет от свечи дёргается. И что-то натурально рушится с высоты. На полу кабинета картонки, пакетики из-под гуманитарки, полиэтилен, тубики. А в углу у камина высоченная, под два с половиной метра, башня из голубых пластмассовых тазиков. Не, думаю, так только свои насвинячить могут. И точно, наверху штабеля из коробок Сека курочит очередной набор. В руках скальпель здоровенный из хирургического набора, на поясе гермомешок от байдарки, там что-то звякает.

– Я договорился, тазики оптом по три доллара за штуку берут. И полотенца ещё. Йод, салфетки и бритвенные станки набором по доллару. Завтра в десять заедут. Делим на троих, этого вашего Фаренгейта на хер!

– Фолкнера, – говорю.

– Да хоть Хемингуэя. На хер, говорю.

На хер, так на хер. Всю ночь резали коробки. Я разжёл камин. Зеркальные двери отражали всполохи огня. Марья сортировала одинаковое, складывала синие вафельные полотенца и фланелевые пелёнки. Сека уверял, что полотенца примут по пять долларов за двадцать штук. Странный ценник, но раз Сека сказал...

К пяти утра закончили. В коридоре стояло с десятков перемотанных верёвками коробок и три башни тазиков. В камине радостно полыхал картон. Было тепло. В столовой с купидонами творился триндец и разгром. Мы сидели на софе, которую подтянули к камину, пили «Распутина» и закусывали бутербродами с кабачковой икрой.

– Когда-нибудь вспомним сегодняшний день как лучшее время нашей жизни, – это Бомбей.

Бомбей иногда что-то такое говорит, что потом оказывается правдой. Он парень неглупый. Просто мы стебёмся, а у него единственного из нас красный диплом. Вообще, он из Харькова с улицы Отакара Яроша. Ну а чем улица Отакара Яроша хуже Стремянной?

Утром приехали какие-то люди. Мы погрузили в их «форд» коробки. Деньги пообещали в понедельник. В понедельник они не позвонили. Сека пытался вычислить гондонов, но бесполезно. Нормальное кидалово. За семь сотен баксов и убить могли.

Пришлось нам с Бомбеем и Секой идти к Олегу. Он как раз только вплотную занялся ремонтами. Заказы прут, еле успевай бригады формировать. Пихнул к нам четвёртым Рената, студента-третьекурсника, который у него курсовую писал. Олег-жучара с факультета не уволился, продолжал тогда лекции по кристаллохимии читать. Ну и правильно. Доцент же. Договорились по выходным вкалывать.

Не повезло уже с первым объектом. Нужно было в субботу стену снести в квартире на Гаврской. Там хозяином браток натуральный. Мы стену почти разобрали, тут этот приезжает, от него несёт модным «Живанши», словно он им голову мыл. Бомбей-то сам большой, а этот просто человек-гора, видать, из штангистов. Говорит, мол, пошли-ка быстро вниз, кирпичи надо разгрузить. Мы с третьего этажа спустились, а там четыре палеты на «зилке». Бомбей ему, мол, нас на погрузочные не нанимали, мы по демонтажу. А тот ему без разговоров сразу в грудак. И пестик из подплечной кобуры вынул.

Так под пестиком, без отдыха, три палеты кирпича на третий этаж и затащили. Не знаю, как не умерли.

Уже стемнело. Фонари на улице не горят. Только где-то на Манчестерской. У меня уже ходка двадцатая была, но тут этот бритый:

– Чурка ваш где? Почему не носит? Скажи, если не спустится, я ему колено прострелю.

И ведь прострелил бы. И ничего бы ему за то не было. А студенту не отдышаться, он уже едва сознание не потерял. В нём массы всего килограмм шестьдесят пять, это если с одеждой и слоем кирпичной пыли. И холодно! На улице минус четырнадцать, что для Питера уже до фига, сопли в носу замерзают. В квартире рамы старые вместе со стёклами до нас предыдущая бригада вынесла, новые Олег ещё не вставил, монтажники нарасхват. Мы студента на стульчике на площадке второго этажа оставили в себя приходиться.

Пару раз туда-сюда ещё сходили, бык психанул.

– Ушлёпок где, спрашиваю? Время – деньги. Сейчас всех на счётчик поставлю.

Мы сопим и таскаем. Ещё раз спустился, мне Сека кирпичей нагрузил. В кузове от четвёртой палеты штук двадцать осталось, не больше. Только я к дверям, тут меня этот толкает, кирпичи падают, бык пестик из кобуры рвёт и бегом наверх. Я наклонился кирпичи поднять, слышу – рухнуло что-то. Ну, думаю, кранты, грохнул студента. Бросился в парадняк, а там этот лежит. Сверху Бомбей через перила свешивается:

– Чё там с ним?

Ну, а я не стал разбираться. У меня кирпич в руках, я на колени опустился и со всей дури углом быку в висок. Сзади Сека вбежал.

– Вы охерели вконец!

Перчатку под мышку, вену на шее нащупывает.

– Всё, – говорит, – жмур.

Бомбей три пролёта к нам спустился, рядом на корточки присел.

Я ему:

– Ты?

– Нет, сам он прыгнул. Да этот отморозок чуть студента не мочканул. Вообще, без башни чел. Я его просто толкнул.

Знаю я это «просто толкнул»: первый взрослый по боксу и мастер спорта по вольной борьбе.

Сека по карманам у быка похлопал, ключи от «Чероки» вынул, телефон. Барсетка рядом валялась, поднял.

Бомбей ключи взял, пестик из пальцев быка выковырял и в карман своего ватника сунул.

– Собирайтесь! Поехали! Машину подгоню, этого погрузим. Скажи студенту, чтобы проволоку из квартиры захватил и закрыл там всё. Сека, с водилой «зилка» расплатись.

Сека в барсетке поковырялся, двадцать баксов выудил, пошёл на двор разбираться с водилой. Слышу, завёлся «зилка», передачи хрустнули, перданул, поехал.

Помню, как грузили быка в багажник. Он тяжёлый, килограмм сто двадцать. И «Живанши» этим от него несло. И пока ехали по Энгельса, воняло, и когда на переезде возле Удельной стояли, шмонило, хоть окна открывай. Я всё боялся, что гайцы остановят. Потом, когда они на выезде демонстративно отвернулись, понял, бздят менты такие тачки останавливать. На хер надо им это счастье: Бомбей бритый за рулём, в машине нас ещё трое. Мало ли на какую стрелку братки едут, явно у каждого ствол, а то и вообще автоматы. А у гайцов дома семьи, им жить охота.

До Лисьего носа ехали, молчали. В Лисьем возле магазинов свернули к заливу, а там уже на берег, где колеи от машин рыбаков, и дальше по льду. Зимник в сторону морского канала накатан. Эти маньяки лунки чуть ли не по самому краю сверлят. Чем ближе течение и большая вода, тем рыба крупнее. Наконец в свете фар торосы под снегом. За ними пар от

воды. Вышли. Минут сорок ходили, искали, где можно сквозь торосы пробраться. Не нашли, но наткнулись на здоровенную полынью. Оставили возле полыньи студента, сами вернулись к джипарю, подъехали к полынье метров на семьдесят. Бомбей проволокой руль зафиксировал, примостил насос, чтобы на педаль давил. Мы с Секой вышли. Бомбей завёл, тронулся, на вторую передачу переводить не стал, воткнул насос в педаль, погнал. Мы следом бегом. Перед самой полыньёй открыл дверь и выпрыгнул. Джипарь на скорости так метров через двадцать под лёд и ухнул. Подбежали. Руки в колени, не отдышаться. Постояли ещё минут десять, покурили, посмотрели, как фары из-подо льда светят. Темень, ветер стих, слышно, как электричка от Горской отправляется, двери шипят.

До берега шли вечность. Оказалось, хрен знает, на сколько километров отъехали.

В магазине кооперативном водки взяли, печенье и сухофруктов, пошли на электричку. А когда в вагон вошли, поняли, что от нас тем «Живанши» шмонит. С виду работяги, все в штукатурке, а воняем, как жигало. Хотя, кого фачит? Может, мы пили тот парфюм. Нашли у хозяев, где халтурили, да и выпили. А сейчас вот водкой это дело полируем. У меня бич был в поле на Полярном Урале, я начальником отряда в то лето работал, так тот всё поверить не мог, что у нас в балке на полочке флакон тройного весь сезон невыпитый стоит. Подарили ему потом на день рождения.

Пили водку прямо из горла. Людей в вагоне всего ничего. В это время народ с работы из города едет, а не в город. Вдруг контролеры. Трое. Три мужика. Один сразу в дальний конец вагона, один у ближайшего тамбура, третий пошёл билеты проверять. А мы не взяли. Как-то забыли. Когда из лабаза вышли, как раз электричка подходила, ну, мы к ней бегом.

– Ваши билеты, молодые люди?

– Простите, – говорю, – билетов нет. Можем оплатить.

– Билеты по тройному тарифу плюс штраф. Иначе ссадим вон на следующей. На одеколон модный деньги есть, а на билетах экономим?

Следующая Лахта. От неё вообще хер куда доберёшься. Ну а правильно, с кого трясти, как не с лохов да работяг. У нас же прикид как у работяг, а рожи лохов из интеллигенции. Тут Бомбей красиво выступил. Всегда это вспоминаю.

– У тебя, что, – говорит, – ненормированный рабочий день?

Тот молчит.

– А у меня нормированный. Вали отсюда и дружков своих заberi.

И натурально достаёт из кармана пестик давешнего жмура. И электричка как раз тормозит – Лахта. Так Бомбей всю троицу и ссадил. Они на платформе остались, а мы поехали. И как-то сразу легче стало, словно справедливость какая-то совершилась.

Приехали на Стремянную все вместе. Сека барсетку на кровать вывернул. Там деньги, документы. Денег полторы тыщи баксов и рубли ещё. Поделили на четверых. Документы сожгли в камине. Пестик Бомбей себе оставил. Сека взял «Ролекс», я телефон TeleTak250. Студенту отдали барсетку. Сходили к Невским баням в ларьки, взяли «Абсолюта», красной икры и рогалики. Помянули. Не помню, как звали уже. Давно было. Да и не важно.

Ну, хорошо... Вру. Помню. Дмитрий. Свечку ему ставлю.

Назавтра опять на Гаврскую. До вечера проколупались, но стенку добили. Поехали к Олегу на Чёрную речку, в офис.

Олег каждому по тридцать баксов отсчитал. Заранее договаривались, что сразу будет активировать.

– Нормально всё? – спрашивает.

– Нормально, – отвечаем.

– Приезжал хозяин?

– Приезжал.

– А то делся куда-то. На трубу звоню, не отвечает. Мне окна заказывать, его нет. С такими только по предоплате. Видали рожу? Мочканут на стрелке, попадётся на бабки. Ладно, в следующую субботу поедете на Ватутина подвал под магазин углублять. Надо бетон вскрыть и метр грунта снять. Компрессор и молотки подгоню. По восемьдесят на брата.

– Нормально, – говорим.

Я из офиса позвонил Марье – подошла Мзевинар. Поздоровался, попросил позвать. Мзевинар грохнула трубку на стеклянный столик. Я его хорошо помню, в прихожей стоит.

– Иди. Беркутов твой.

Минут десять трепались ни о чём. А о чём трепаться? Я думал к ней поехать, а там мать.

– Фолкнер из Америки вернулся. Квартиру купил. Замуж зовёт.

– Пойдёшь?

– Думаю.

– О чём думаешь?

– Он наркоман. От таких дети с двумя головами рождаются.

Фолкнер к тому времени уже реально торчал на чёрном. Начинал-то, как все, с травы и таблеток. Он траву ещё как только у нас поселился что сигареты курил. Косяков десять в день. Говорил, что помогает от болей в спине. Мол, у него протрузии какие-то от горных лыж. Врал, наверное. Траву с собой из Америки привёз. А через неделю нашёл, где на районе брать. Осенью вообще договорился с ментом из УБНОН⁶, тот его снабжал, Фолкнер толкал. У ментов этого добра без счёта. Раз в месяц менты отправлялись на утилизацию. Выезжали за город на пустырь и жгли. А сожгли, не сожгли, никто же не проверял: активировали и ладно. Начальник их на новой семёрке бэхе катался. Наверное, не всё сжигали. А потом ещё и чёрное пошло в город. И до хрена его. Фолкнер подсел.

Я ему как-то заехал в глаз, когда на нашей кухне шприцы нашёл. Хочешь дуть, дуй. Никто слова не скажет, ещё и пыхнем с тобой. А этого говна нам тут не надо. Фолкнер не обиделся, но пропал. Не знаю, где кантовался. У Марьи, знаю, бывал. Ванна пустая стояла. А потом в Америку уехал в наследство вступать.

– А что? И правда, выходи за него. Получишь американский паспорт.

Марья бросила трубку. Я постоял с минуту и позвонил Водневой. Она жила на проспекте Просвещения в панельном доме. Уже выйдя из лифта, почувал, как пахнет яблочной шарлоткой. Воднева открыла и с минуту молча смотрела на меня. Наверное, хотела пробудить во мне вину. Вины во мне не было. Я спросил, где ванная, прошёл, заперся, включил душ. Под шум воды нассал в раковину, потом долго стоял под горячими струями. Вышел, обернув чресла полотенцем. До шарлотки мы не добрались. Кажется, я даже напугал её в ту ночь своим темпераментом.

Вот ты из всего, что я тебе говорил про геологию, почему-то выбрала слово «четвертичка» и пользуешься им по собственному усмотрению. Как углядишь какую-нибудь кучу песка с камнями или слои глины, так она у тебя сразу четвертичка. Забавно, но почти всегда это действительно оказывается четвертичкой. В Крыму только ошибалась. Но Крым – это отдельный мир, его строение тебе пока непонятно. Четвертичный период, отложения которого ты с моей лёгкой руки панибратски называешь четвертичкой, – это самый последний период геологического развития планеты и самый короткий. Когда я учился, считалось, что его можно хронологически приблизительно связать с возникновением человечества, потому этот период называли ещё «антропогеновый», и его протяжённость определялась где-то в восемьсот тысяч лет. Но наука не стоит на месте, нужно писать докторские и повышать индекс цитирования, потому недавно я с удивлением обнаружил, что теперь четвертичный

⁶ Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

период начинается два миллиона шестьсот тысяч лет назад. Мне пока к такому не привыкнуть, и я лучше буду считать нижней границы периода прежней. Так спокойнее. Соответственно к четвертичным отложениям, или четвертичке, я отношу отложения ледниковые и послеледниковые. Всякими неоплейстоценами, эоплейстоценами и палеоплейстоценами голову тебе забивать не надо, это в жизни не пригодится.

В этот период земля то остывала, то опять нагревалась. От чего это происходило, до конца неясно, но скорее всего от изменения параметров орбиты, в том числе угла наклона оси вращения Земли. Только не спрашивай меня, от чего это происходит, я геофизик, а не астрофизик, буду нещадно врать. Но если честно, мороз по коже.

Во время похолоданий иногда до четверти суши занимали ледники, а воды в океане, соответственно, становилось меньше. Уровень океана понижался метров на сто – сто пятьдесят. Между ледниками океаны, наоборот, захватывали большую часть суши. Наше Ладожское озеро – это следствие такой трансгрессии и регрессии Мирового океана. Когда-то, кстати, оно было солёным. Вообще, всё было похоже на то, что сейчас, но чуть иначе. Что такое восемьсот тысяч лет по геологическим меркам? Фигня полная!

Флора и фауна тоже приблизительно те же. Всякие травоядные едят всякую траву и бродяг под всякими деревьями, на них охотятся хищники, на хищников потом, уже ближе к концу, находятся чуваки с камнями и каменными топорами. Ледники то тают, то нарастают, реки текут, меняют русла, горные породы выветриваются, разрушаются, камушки катятся, перемалываются. Из органических останков глина и суглинки, в водичке торф и сапропели. И всё это весьма разнообразно и толстым слоем как минимум по всему северному полушарию. Причём вне зависимости от того, что это самый короткий период развития земли, «мощность» отложений в некоторых местах самая большая из континентальных.

Про песочек, глины, супеси и суглинки ты всё поняла. Но добавь к тому россыпи драгоценных камней, золотые россыпи и прочее. Что за золото моют на Колыме? Ну да, это россыпное золото из четвертички. Если точнее, то аллювиальные отложения, стало быть, те, которые вначале отваливаются от коренных пород, а потом переносятся речками. Кстати, реки же и размывают эти коренные породы.

Бывают ещё элювий, пролювий, делювий и много других типов четвертичных отложений по типу выветривания и переноса. Например, я тебе говорил про моренные отложения, это то, что тащил ледник. Все эти огромные бульники и бульники поменьше.

Но та синяя глина, на которую ты брезгливо указала пальцем и обозвала четвертичкой, наоборот, самая древняя глина на планете – кембрийская.

Первый раз из больницы Марью я один встречал. Это в третьем году было, летом. Бомбей только в холдинг попал, ему никак, Сека рекламу Fillips на крыше монтировал, тоже не вырваться. А у меня уже «аудюха» была, А4, белая. Работал тогда дикарём в недвижке, это ещё до холдинга. Свободный график, работаешь, когда хочешь. Показы там, все дела. В холдинг меня только в шестом году Бомбей по знакомству устроил, а тут сделку закроешь – можно жить. Марья после лучевой лысая, ну и вообще какая-то худая. Однако весёлая. Говорит, мол, всё зашибись. Никаких метастаз, часть организма вырезали, но нет худа без добра – дальше уже без залётов будет. Сомнительный, конечно, плюс. Тут все поголовно трихомонады и СПИДа боялись, а не беременности. А может быть, это она так себя успокаивала.

Вечером сидим, бухаем. Вернее, я бухаю, а Марья так, вприглядку. Ей после всех этих больничных дел ещё месяц нельзя. Мзевинар в первом ещё умерла от инсульта. Марья одна в квартире, никто не помешает. Звонок в дверь. Я открыл, а там Олег с огромным букетом. Натурально охалка роз. Ну, я всё понял. Посидел ещё полчаса, да и оставил их.

Ехал пьяный к себе на Горьковскую прямо по трамвайным путям. Июль. Стёкла опустил и «Losing My Religion» на полную громкость. Старьё уже, но вставляет. Я, когда был студен-

том, вот так и мечтал: белая «ауди», и «РЕМ» из колонок на полную громкость. Подъехать к остановке на набережной, напротив Академии наук. А на остановке знакомая аспирантка мёрзнет. И она, конечно, садится ко мне, и мы едем. Короче, ничего оригинального. Это как поллюции – у всех мальчиков.

В холдинг меня Бомбей устроил на следующий год после смерти Олега. Он и Секу хотел, но Сека отрабатывал заказ от сетевиков, оформлял торговые центры. Ему было проще с холдингом на контрактах через тендер. Как-никак, десять лет наружной рекламой занимался. Короба там всякие, подсветка, буквы, логотипы. Своё рекламное агентство было. Мне же моя вторичка уже вот где была, а тут селзом у девелоперов: оклад плюс процент. В недвижке только процент голый. Подзадолбало, если честно. Я кривляться не стал. Тут только стартовый две штуки баксов.

С Вероникой Сергеевной мы ещё в Питере познакомились. Регионалов периодически собирали на конференции в «Балтийце» на заливе, втюхивали наши принципы, ну и там методологию, как продать, как заработать. Понятное дело, банкет в холле отеля с разгулом. Потом все по номерам, кто с кем. Я с Вероникой Сергеевной.

Через месяц меня к ним, в Красноярск, послали смотреть перед сдачей новый комплекс, всё ли по бренд-буку, ну и прочее бизнес-говно.

Вероника Сергеевна встретила меня в аэропорту «Емельяново». Я долго ждал свой ярко-зелёный чемодан, потому в зал вышел чуть ли не последний. Там уже собрались встречающие московский рейс. Хотел обнять, но Вероника Сергеевна отстранилась, обозначив, что не признаёт этих наших столичных нежностей. Она и Верочкой себя звать запретила, даже Верой. Приходилось звать её Вероника Сергеевна. Даже когда через сутки я проснулся с ней в одной кровати в отеле, я звал её Вероника Сергеевна. Она же звала меня по фамилии – Беркутов, в том числе когда я сзади держал её за бедра. В конце концов начальник клиентского отдела имеет право называть референта заведующего филиала, как ему заблагорассудится. Мне так казалось. Я ошибался. Теперь признаю, что был неправ, но уже поздно.

Сделал так, чтобы её взяли в головной офис. А потом совершил три основные ошибки стандартного мужчины: женился на женщине, которую не люблю, развёлся с женщиной, от которой у меня родился сын, и продолжаю время от времени встречаться с женщиной, у которой к этому времени появился новый муж и второй сын. Всё это Вероника Сергеевна.

Марью она возненавидела с самого начала. Марья заявила ко мне на Горьковскую с бутылкой «Мартини», узнав, что я собираюсь жениться. Часы показывали четверть двенадцатого.

– Беркутов! Почему ты мне не сказал?! Поздравляю!

Вероника Сергеевна была младше нас с Марьей на пятнадцать лет. Но это не помешало ей вылезти из постели, голой прошлёпать в прихожую мимо Марьи и открыть дверь. Вроде должно быть какое-то уважение к возрасту. Хрен там!

– До свидания. Метро ещё работает.

Марья поставила бутылку на стол, поцеловала меня в щёку, сказала Веронике Сергеевне «до свидания» и ушла. Вероника Сергеевна с грохотом захлопнула дверь, вернулась в постель и включила телек. Достал меня её телек потом.

В марте, на нашей свадьбе, Марья подарила Веронике Сергеевне огромный букет лилий и вечную сковородку с керамическим покрытием. Вероника Сергеевна сделала вид, что улыбается. Это в девятом году. Вероника Сергеевна была уже капитально беременна. Отмечали в плавучем ресторане у Биржевого. Набилось двадцать коллег невесты из холдинга. В основном из управления комплексами. Наш департамент был представлен только нами с Бомбеем. Бомбей привёз огромный кухонный комбайн и весь вечер танцевал с Марьей. Он только что расстался с очередной Леночкой. Иногда Марья выходила курить и возвращалась с красными

глазами. Бомбей её утешал. Мама моя её утешала. Бред и мелодрама. Мы же сто раз говорили о том, что только друзья.

В тринадцатом, когда, однажды прикатив из командировки в Нижний, я обнаружил, что Вероники Сергеевны с сыном нет, нет их вещей, да много чего нет, что казалось вечным, я первым делом позвонил Марье. Нет, вначале я девятнадцать раз звонил Веронике Сергеевне и слал ей сообщения. Потом я напился, а только потом позвонил Марье. Марья приехала на такси меня утешать. В шесть утра звякнул замок входной двери, вошла Вероника Сергеевна, не глядя на нас с Марьей, лежащих в постели, сказала «привет», прошла через всю комнату, достала из шкафа какие-то документы, сказала «пока» и вышла. Разводились, конечно, через суд, поскольку ребёнок, но более-менее мирно.

Сталкерил несколько раз инсту Вероники Сергеевны, но ей можно работать в аппарате президента. Карточки красот природы, цветов, еды. Иногда её совместные с нашим сыном. Но кто-то же снимал? Я искал следы этого «кого-то», просматривал лайки, список френдов. Она была замужем, но неизвестно за кем. Она была показательно счастлива, но кто был тот, кто сделал её счастливой, было неясно. Её никто никогда не встречал после работы. Сидела в свой красный с белым верхом «мини», припаркованный на стоянке для руководства, поднимался шлагбаум, и она выезжала на Невский. А я шёл дворами на улицу Маяковского. Свой автомобиль я оставлял за несколько кварталов.

Жить я продолжал бессмысленно. Купил новый Subaru Tribeca, приобрёл абонемент в спортзал. Сека вписался в бизнес с автоматами электронных платежей. Бомбея назначили вице-президентом холдинга. Фолкнер вернулся в Штаты и устроился преподавателем в какой-то колледж. Это было скучное время. Потому я даже подумывал бросить всё к едреням и уехать на войну. Списался с ребятами в Донецке, договорился, купил разгрузку, форму, всякие прикормы. Но потом меня вдруг поставили бренд-менеджером на крупный ТРК в Москве, и как-то рассосалось. Я летал только бизнес-классом, хату мне контора сняла в Серебряном Бору. Такая невдолбенная студия, закрытый двор, места для мангалов, негры из посольства ходят. Думал и вовсе перебраться в столицу, купить квартиру где-нибудь в Реутове или Долгопрудном. Лучше, конечно, в тихом центре, где-нибудь на Таганской или вовсе в переулочках Хитровки. Но там всё золотое. Это надо жениться на дочери олигарха. Была, кстати, у меня одна, но потом я зассал её бисексуальности. Может, и зря. Что теперь жалеть. Вышла замуж за футболиста. Отец-олигарх подарил им каждому на свадьбу по пятёрке BMW: ей красную, ему чёрную. А я не люблю задний привод. Я в повороте привык газу добавлять, а не сбрасывать. Это уже на автомате, не переучиться. Может, и хорошо, что не женился.

Ты сидишь на кухне в коттедже, который я снял под Лаппеэнрантой, и пишешь письма маме и брату в Харьков. Настоящие письма на листочках в клеточку, которые вырываешь из моего блокнота. Блокнот на пружинке, отрыв получается с бахромой, и ты ровняешь кромку кухонными ножницами. Порой я заглядываю тебе через плечо и читаю написанное аккуратным почерком. Улыбаюсь, чмокаю тебя в ухо и иду запекать красную рыбу, как это делают финны. Я достаю из холодильника варёную картошку, режу кружками, укладываю на противень, сверху лук, сдабриваю чесночным соусом, кладу поверх ломтики форели, сверху форели опять лук и бруснику. Отправляю в духовку. Потом закуриваю, выхожу на террасу, сажусь в плетёное кресло и смотрю на дождь.

Дождь идёт третий день не переставая, поливая и без того скисшую траву. Если не дождь, ты уехала бы вчера. Тебе надо на работу в больницу. Мне не надо никуда. Я отвёз бы тебя на остановку или даже за пять километров до Лаппеэнранты и посадил бы в такси до Выборга, там ходят такие маршрутки три-четыре раза в день. Я уезжал как-то в семь утра и в пять сорок вечера. Я не хотел, чтобы ты уехала в семь утра. Я мечтал, чтобы

ты сидела у меня на кухне, укутанной в вязаный плед Мзевинар a la Tarkovsky. Но я крепко выпил накануне, дорога порядком раскисла, а старенький скутер Пярву, нашего политически подкованного хозяина, не хочет заводиться. Кудахтает, трещит чем-то, булькает, но всё напрасно – кривляния какие-то. Это было вчера. Сегодня я даже не пытался. Сегодня я выходил во двор только для того, чтобы взять охапку поленьев из дровника да кинуть шершавое говяжье вымя кудлатой псине, живущей в будке. Псину зовут Арво. Арво – кобель и дурак. Мы друг другу не нравимся.

Похороны Мзевинар я помню хорошо. Заказали три автобуса от главного здания универа. В тот год подняли останки экипажа «Курска». На Серафимовском ровные ряды убранных еловыми ветками и траурными лентами могил моряков присыпаны снегом. Почти строго напротив вырыта свежая могила. Все возле не поместились, стояли на дорожке. Прощание затянулось. Вначале декан задвинул речь, потом заведующий кафедрой, потом ещё какие-то официальные лица. С залива дул мерзейший ветер, сыпала острая снежная крупа. Марья стояла, прижавшись ко мне и держа меня под руку. Даже через одежду чувствовалось, как её бьёт похмельный озноб. Справа с ноги на ногу переминался Хусимыч. Сзади шептались:

- Это кто?
- Беркутов.
- Сын?
- Да. У них с Марьей роман.
- А говорят, Мзия с его отцом...

Всё решали за нас. Марья тоже слышала. Потом опускали гроб в могилу. Потом бросали смёрзшиеся комья земли. Я запомнил Водневу, потому что не сразу узнал. Пять лет не виделись. Она постригла коротко волосы и покрасилась. Из-под чёрного кружевного платка виднелась каштановая чёлка. У неё были красные и припухлые от слёз веки. Потом были поминки в Докучаевском музее, которые закончились чуть ли не к полуночи. Окна зала выходили на стрелку. Я стоял у открытой фрамуги, курил, стряхивал пепел в целлулоидный стаканчик с вином и смотрел, как рабочие устанавливают искусственную ёлку. Подошла Емельяна.

- Ты жениться на Марье собираешься?
- Собираюсь.

Я не собирался, но и против ничего не имел.

- Мзия была бы рада.

Мне это не казалось очевидным. Вообще, меня даже уволили из-за этого.

Потом Емельяна подседа к Хусимычу. Я знал, о чём они говорят. Пора было уходить. Я спустился в гардероб и стал искать свою куртку. Номерок я не взял. Да и какой в нём смысл? На каждом крючке висело по два-три пальто. Подошёл Хусимыч. Я сделал вид, что ищу сигареты. Он протянул мне открытую пачку «Союз-Аполлон».

- Можешь называть меня папой.
- Спасибо.
- Я буду называть тебя Денис. Можно?
- Конечно.
- Пойдём выпьем?
- Пойдём.

Мы вернулись в зал. Говорил Игорь Ревазович из ЛУКОЙЛа. Он говорил, какая Мзевинар была прекрасный учёный. Потом говорил, какая она была прекрасный друг. Потом говорил, какая она была прекрасная мать. Потом, обращаясь к Марье, поклялся, что не оставит её одну, о чём, по его словам, обещал Мзевинар. Закончил предложением выпить за Марью. Все бросились чокаться с ним и Марьей. Хусимыч полез к Игорю Ревазовичу обниматься. Мне показалось, что кто-то из кафедральных женщин сказал: «Горько!» Некоторые смотрели на

меня с жалостью. Я посидел ещё, потом сделал вид, что пошёл курить, спустился в гардероб, на удивление быстро отыскал куртку, оделся и хотел было выйти из музея, но натолкнулся на Водневу.

– Пошли.

– Пошли.

Мы поднялись в мансарду, в лабораторию. Прошли мимо бывшей нашей «лаборантской электронщиков», мимо комнаты Водневой, в кабинет Мзевинар с длинным столом и старым кожаным диваном. Раньше мы сюда не решались.

– Что у тебя с Машкой?

– Ничего.

– Иди ко мне.

Она заперла дверь и выключила свет.

Иногда я говорю себе: меньше думай, больше чувствуй. Время мыслей ещё не наступило. А если с чувствами что-то не то? Иной раз мерещится, это лишь рефлекс: горячо – отдернул руку, громко – закрыл уши, женщина – скинул брюки. Вроде я хотел детей, так это инстинкт размножения. У меня теперь малолетний сын, но вижу его три раза в два месяца. Конечно, я его люблю. Конечно, отдам за него жизнь. Но, с другой стороны, мне будет на него наплевать, если вдруг рефлекс и пришло время где-то расстегнуть молнию на ширинке. Да и вообще, я вспоминаю сына редко. Вероника Сергеевна неплохо им занимается. Отдала в спортшколу, на кружок английского. Каким он вырастет человеком? Похер, каким он вырастет человеком! Главное, чтобы не гомосексом, меня бы это расстроило. А в остальном разберётся сам. Я же разобрался. Меня не слишком направляли. Отец-профессор писал очередную монографию, нянькался с аспирантами и ходил меняться книгами в садик позади магазина «Подписные издания» на Литейном. Мать занималась балетом, ученицами и обращала на меня внимание только когда я начинал приносить двойки или серьёзно заболел. В остальное время меня пасла бабушка, для которой главное было, чтобы её не трогали. Я не трогал. Я таскал из её деревянной папиросницы, инкрустированной перламутром, папиросы «Любительские» и старался задавать меньше вопросов. Бабушка ленилась отвечать. Бабушка прожила тяжёлую жизнь. Бабушка воевала в Финскую. Бабушка строила Комсомольск-на-Амуре. Бабушка пережила блокаду и дедушку. Много лет она работала на дому гадалкой. К бабушке приходили серьёзные люди. Например, жена актёра Кадочникова или жена писателя Градина.

Градин жил напротив, в доме Литфонда. Его квартира находилась выше нашей, и иной раз я замечал его, пялящегося на окна бабушкиной комнаты. Ничего интересного у нас не происходило. По крайней мере, пока я был маленький. Когда я переехал сюда после смерти бабушки в третьем году, самое интересное только началось. Градин просёк фишку и подсматривал из-за задёрнутых штор. Шторы колыхались. Думаю, я стал для старого вуайериста неиссякаемым источником вдохновения. В конце концов, я не особо стеснялся. Что нам этот дрончер?! Мои гости тоже были весьма свободных манер. С Марьей, что характерно, всё получалось пуритански и при задёрнутых занавесках. Мы просто делали это в постели под альбом Филиппа Гласса. Чем сильнее любишь женщину, тем аккуратнее секс. Я вывел эту формулу в тридцать лет. В тридцать три я уже пялил на подоконнике Водневу, а занавески в кабинете Градина шевелились.

Я потом случайно оказался на его похоронах в Комарово. В «Балтийце» проходила партнёрская конфа, тёлки из Красноярска упростили свозить на могилу Ахматовой. Поскольку я собирался кого-нибудь из них трахнуть, отказать не смог. Поехали, а там такое. Государственные похороны: военный оркестр, почётный караул, шатры с закуской и тысяча лишних людей. Водки не было. Разливали шампанское. Наверное, такова была воля усопшего. Не, ну а чего? Нормально! Стояли за столиком между двумя писателями – толстым и бородатым. Обоим за восемьдесят. Хрен знает, кто такие.

- Не встречал более лицемерного человека, чем Градин, – это толстый.
- Писал говно, а считался чуть ли не совестью нации, – это уже бородатый.
- А ещё он был онанист, – это уже я.

Писатели и тёлки посмотрели на меня с явным интересом, но я не стал развивать тему, а пошёл ещё за шампанским.

Подвал на Ватутина. Самый угол с Кондратьевским. Мы с Секой, Бомбеем и Хусимычем через пару недель после Гаврской опускали здесь уровень пола на метр. «Будущего тестя» четвёртым позвал Бомбей, старик тоже бедствовал. В телике спустя десять лет я видел, как Путин, после похорон своего тренера по дзюдо, шёл по пустой улице вдоль стены ЛМЗ⁷. Стена была видна нам из подвальных окошек. Думаю, спортивные ребята, что держали тогда район, были из той секции. Или из другой такой же. Странные времена. Мы приезжали утром, переодевались в маленькой каптёрке, Бомбей запускал компрессор, разбирали отбойные молотки и шли вниз. Долбили три часа. От вибрации шатались пломбы в зубах. У меня амальгама серебра выпала на верхней семёрке. Потом шли в магазин, покупали молоко и батоны, обедали. После двое продолжали долбить, двое других таскали наверх носилки, полные бетонных кусков. Периодически менялись. В институте взяли отгулы, управились за четыре дня. Осталось только вынести остатки бетона и грунта. В последнее утро пришли и увидели, что весь подвал заполнен ровным слоем дерьма – Бомбей накануне пробил-таки где-то фановую трубу. Вонь несусветная. Вначале просто грузили совковой лопатой дерьмо на носилки и выносили на снег, но потом позвонили Олегу, тот приехал сам на «буханке» и привёз насос. Пока откачивали, Олег бегал по квартирам и просил, чтобы не срали до вечера и воду не лили. Одна бабка не открыла и послала Олега матом. Ну и хорошо. По фонтанчику нашли место пробоя, поставили муфту. Еле успели, пока жители дома с работы не вернулись. Полный трещ, конечно. Ещё переодеться не успели, все в дерьме с ног до головы, а тут появились спортсмены. Двое. То да сё, что за работы? Олег им трубу заказчика дал, записали.

- Ну, с заказчиком разберемся, а с вами как?
 - А с нами что? Мы просто работаем.
 - Нельзя, – говорят, – просто так на нашей территории работать.
- Олег, в принципе, к таким делам готовый, опытный:
- Ладно, – говорит, – какая такса?
 - Триста в неделю.

Ну, это гуманно. Расклад, в принципе понятный. Тут уже крыша разбираться должна. Работаем на чужой территории, но работаем по услугам. С Олега вообще никаких денег. Крыша перетрёт, Олег им за это «абонентскую» и платит. Потом Олега крыша с крышей заказчика бабки пододьют уже по мелочам. Обычная бухгалтерия.

Они бы и отвалили, но тут Хусимыч завёлся:

- По какому, собственно говоря, праву?

Да всё понятно. Человеку полтос с гаком, ведущий инженер, кандидат наук, а то звездюлей на толпе надают, то вот это. Ну, ему сразу в солнечное сплетение и приехало. Это они, конечно, зря, пожилой человек.

В принципе, на этом бы всё и кончилось, но Бомбей достал пестик. Этот придурок мало того, что его не выбросил, так и на работу таскал. Не наигрался в детстве.

- На колени, – говорит, – руки в замок и на макушку.

Те выполнили.

Смотрю на Олега, тот аж пунцовый стал. На хера ему эти чудеса?

- Мужики, – говорит, – ща порешаем. Проблемы никому не нужны.

⁷ Ленинградский механический завод.

А Бомбей мне кивнул, мол, иди компрессор включи, чтобы базар наш не был слышен. Я вышел на улицу, врубил компрессор. Слышу, молоток заработал и два хлопка. Вернулся, эти двое уже жмуры. У каждого в башке дыра, а Хусимыч с белым лицом долбит молотком в углу остаток бетонной стяжки.

Разместили аккуратненько обоих вдоль фановой трубы, развели цемент, ну и выровняли пол в этом месте. До ночи проваландались в полном молчании. Я за Хусимыча переживал, но ничего, молодцом, даже шутил потом. Олег не шутил. Мы ему на пустом месте головняк подняли. Хотя, что головняк? Мы никого не видели, к нам никто не приходил. Если кто появится с претензиями, пусть, опять же, крыша Олега разбирается. Но Олег всё равно психанул, когда на Чёрную речку ехали. Как только не обзывал нас. Больше всего Бомбею досталось, потом мне, потом Хусимычу. Секу за компанию, что не остановил. А сам остановил? Ты куда смотрел? У тебя на глазах «бах-бах!» Короче, пересрались мы тогда с Олегом. В офис приехали, бабки получили и сказали, чтобы больше на нас не рассчитывал. А он сказал, чтобы мы валили к ебням. А мы сказали, что он сам кретин, что второй раз нас уже под такие истории подставлет, коммерсант хренов, прораб едрючий. А он типа не понял, почему во второй. Тут ему Сека и проболтался про того быка.

Олег, конечно, в полном афигении. Обматерил нас опять. Ну, всё мирно кончилось. Распили там у него на кухне в офисе литр «Распутина», развалились по домам. Договорились, что больше не сотрудничаем, иначе переругаемся. Ну, это Бомбей, Сека и я. Не, а что за работа такая, когда три жмура за две недели? Это стрёмней, чем в ларьках в ночную дежурить, там реально меньше палева. Хусимыч, кстати, заявил, что не против ещё повкалывать на ремонтах. Железный старик. Его Олег уже через месяц в офис посадил на всю проектную документацию. И чего Хусимыча потом понесло в этот блудняк с камнями первой категории... Работал бы себе и горя не знал. Всё жадность человеческая.

Я, кстати, иногда думаю, это Хусимыч подстроил, чтобы Марья с Олегом сошлись. Он простой-простой, а вообще хитринка такая проскальзывала. Хотя, хрен его поймёшь. Это был девяносто шестой, а свадьбу только в третьем справили, уже Мзевинар померла и Хусимыча самого грохнули. Марья только-только из больницы первый раз вышла. А может быть, и не Хусимыч сосватал. Может быть, это они сами.

Для того чтобы выучить последовательность геологических периодов, существует мне-моническое правило. Это правило типа «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», нужно, чтобы не ошибиться в последовательности цветов спектра, но только про стратиграфию. Нам про него рассказали чуть ли не на первой лекции по общей геологии. Звучит правило так: «Каждый отличный студент должен курить папирсы. Ты, Юра, мал, погоди немного, чудак». Ну, понятное дело, что москвичи из МГРИ чудака называют чуваком. Есть и другие варианты. Например, эмгэушники запоминают «принеси нам чекушку». А как-то в экспедиции на Полярном Урале студент со смешной фамилией Рыжий рассказал мне вариант «пей ночью чай», что вообще поэтично. Каждый – это К, Кембрий. Кембрий начался 540 миллионов лет назад. Ну, миллион туда-сюда. На таких расстояниях это неважно. Где-то тогда органическая жизнь всерьёз распространилась по планете. Тому есть даже название «кембрийский взрыв».

Потом идёт ордовик, потом силур. За ними девонский период, каменноугольный, или «карбон», потом пермский, или попросту «пермь». Некоторые названы по тем местам, где отложения этих периодов впервые были описаны учёными. Вместе они объединяются в палеозой – время, за которое организмы обжили планету. Тогда же появились все типы позвоночных животных и кое-кто вышел на сушу. Некоторых, например нашу таксу, теперь хрен загонишь обратно в воду.

Далее мезозой – это триаз, юра и мел. Помнишь «Парк юрского периода»? Динозавры отлично себя чувствовали в мезозое. Там они с аппетитом жрали первых млекопитающих.

За мезозоем следует кайнозой в составе палеогена, неогена и любимой тобой четвертички. Ну, тут уже всё понятно. Человек разумный, а также условно разумный – дети неогена и одноклассники четвертички.

Строго говоря, до кембрия был ещё... докембрий, который делится на архей и протерозой. Протерозой, в свою очередь, на нижний протерозой, карельский, рифей и венд. В нашем городе есть даже целый институт изучения докембрия на стрелке Васильевского острова. Я туда ходил писать курсовую. Потом там на первом этаже сделали фитнес-клуб, куда я купил со скидкой годовую абонемент, но ни разу не сподобился дойти от своего дома на Горьковской. Сейчас там, кажется, ресторан с невкусными суши. А может быть, что-то ещё открыли. Я сейчас через стрелку почти не езжу. Надеюсь, все деньги, которые руководство получает за аренду, идут на пополнение коллекций и полевые доплаты в экспедициях. Докембрийские отложения тоже содержат органические остатки, но там чёрт ногу сломит. Что можно понять, когда отложениям где-то 3,5 миллиарда лет.

И, прежде чем закончить про это, скажу по секрету, что до архей был ещё катархей, который начался 4,6 миллиарда лет назад и перешёл в архей на уровне четырёх миллиардов лет назад. Как-то так. Я с трудом ориентируюсь на таких расстояниях во времени и считаю это уже не делом человека. Не касается это нас.

Воднева после того раза на поминках повадилась ездить ко мне в гости чуть ли не каждую неделю. В принципе, я не был против. Положа руку на сердце, таких секс-баталий у меня ни с кем не разыгрывалось. Оба мокрые были. Марья в постели вообще ничем особенным не отличалась, но как-то о том не думалось. Всякие остальные не запоминались, там количество позволяло применить частотный фильтр. А с Водневой было интересно. Например, она любила, прежде чем лечь в постель, танцевать передо мной голой. В детстве она занималась художественной гимнастикой, в юности танцами, а сейчас ходила в какую-то секцию мамбо-самба для великовозрастных идиотов. Принесла однажды кассету с фильмом про танцы с Патриком Суэйзи. Чувственное такое кино. Посмотрели в кровати. Потом два часа Градину спать не давали – так у него, бедняги, занавеска тряслась. Ну и хорошо, порадовался на старости лет. Я, помню, читал в армии его вышедший в перестройку роман про учёных-биологов, так чуть не кончил. Старик шарил в эротике.

Если бы Воднева не просила признаваться ей всякий раз в любви, я бы и не напрягался насчёт нас. В принципе, никого ни к чему это дело не обязывало. Когда мне не хотелось, я ей так и говорил по телефону, что нет настроения, и ехал к той, к кому у меня настроение было. Кстати, это была не Марья. Нет, когда тебе двадцать шесть, а тёлке почти тридцать три, это прикольно. Но когда тебе тридцать три, а ей сорок, это уже скучнее, и думаешь, что дальше начнётся эта погребень и тягомотина, потом сиськи обвиснут, потом все эти перепады настроения, истерики, потом и вовсе климакс. Никто из нас климакса ещё не встречал, но ходили анекдоты про сухую щель. Короче, я далеко в наше с Водневой будущее не заглядывал, его там не было. Но её не разубеждал, она строила планы.

– Вот, Дембечка, а потом поедем в Крым, в Партенит. Или нет! Лучше в Тунис. Ты был в Тунисе, Зая?

Зая – это я.

– Не был.

– Там прекрасно. Весной в дюнах на пляже цветут кактусы и пахнет на весь отель. И кальянами пахнет, и просто любовью. Арабы говорят, что Тунис – страна трёх «S».

Я должен был спросить, и я спрашивал:

– Каких?

– А подумай!

Я изображал, что думаю, а сам закуривал, поглядывая на окна кабинета Градина. Делал пару затяжек и говорил, что сдаюсь.

– Какой ты тупой, Зая! С – солнце (Sun), потом С – песок (Sand), ну и секс. – В этот момент она ныряла под одеяло и начинала там ожесточенно издеваться над моими причинами, от чего я, странное дело, вновь обретал силу и веру в себя, и мы долбили ещё минут двадцать.

Потом она лежала на моей руке и курила, время от времени прижигая сигаретой волосы на моей же груди. Это было стрёмно. Воняло палёной шерстью.

– Скажи Машке, пусть не выкобенивается и сделает меня директором. Просрём же все заказы.

– А она выкобенивается? – почти всерьёз удивлялся я.

– Она старается быть как Мзия, чтобы все сами к ней приходили. А она не Мзия. Рядом не Мзия. Нужен нормальный менеджмент. Я кандидат наук, я в фирме с основания, моя подпись как ведущего инженера под всеми отчётами, со мной считаются.

Я тушил сигарету, высвобождал руку и переворачивался на живот. Она садилась верхом мне на задницу и начинала делать массаж. Она делала долго, не так как другие, которые словно куда-то спешили и что-то хотели доказать. Она никуда не спешила, иной раз я засыпал, просыпался, а она ещё растирала и мяла мне воротниковую зону. Я шлёпал Водневу ладонью по колену, она слезала, я переворачивался, и оказывалось, что вновь готов.

В конце концов Марье действительно была в тягость вся эта возня с лабораторией. Двадцать сотрудников, пять основных клиентов, аренда-херенда, бухгалтерия, отчёты, крыша опять же. Впрочем, бандюки сами отвалились, превратившись в клиента – «Северо-Западный региональный центр экологического мониторинга». Их представитель, тоже грузин, был на поминках. Невысокий, бритый, в тёмном костюме. Говорил про душевные качества Мзевинар. Узнал меня, я его тоже узнал. Это отдельная история. Подошёл, почему-то обнял. Долго стоял, мне даже показалось, что он всхлипывает. Может быть, так и было. Сентиментальный человек. Собак любит.

После первого курса у нас была практика в Саблино. Вообще, мы там с Марьей первый раз и переспали в пещерах. Это ещё перед армией. Я ведь до этого момента ни на полшишечки ни к кому, просто мальчик-колокольчик. А Марья уже с Секой. У них вообще жесь на первом курсе творилась. Там такие страсти, мы думали, поубивают друг друга, но потом Секу захомотала его будущая жена. Она уже третьекурсница, кавээнщица, крутая, а Сека красавчик. Марью, понятное дело, побоку. Ну, тут я подвернулся. А я же после того раза в пещерах сразу её замуж позвал. Марья сказала, что подумает. Не, я реально хотел жениться, детей, все дела. Влюбился тогда в неё впервые. Потом ещё много раз влюблялся, но тогда был тренировочный раз. Темень в пещере, свечка горит, спальники. Сека с какой-то девкой с географического попёрся за вином на базу, а мы одни остались. А Марья типа девушка Секи, я же не знал, что у Секи вся эта фигня с его будущей женой уже началась. Ну и вот. Совесть пылает, а сдержаться не могу. Когда Сека вернулся с бухлом и девкой, сразу всё понял по моему виноватому виду. Отозвал в сторону. Я уже приготовился, что сейчас подерёмся. А он, наоборот, стал благодарить, мол, не знал, как от Марьи отделаться, а вдруг всё само стало прекрасно. Вообще, Марья меня и в армию провожала. Я ей писал. И она мне писала.

Как-то мой отец даже привёз её ко мне в Белоруссию, снял дом. Это уже был второй год службы. Я получил увольнительную из части на двенадцать часов, и десять из них мы провели в крестьянской избе за ситцевой занавеской в мелкий голубой цветочек. Отец, чтобы нам не мешать, уехал в Гродно бродить по книжным магазинам. Мы трахались и строили планы на будущее. Будущее выходило «как у всех», не хуже. Мы тогда больше о науке думали, чем о

деньгах. Решили, что распределимся вместе в Грозный, там молодым специалистам сразу дают двухкомнатную от комбината. И зарплаты там нормальные даже без учёта полевых.

Вскоре отец устроил Марью к нам на кафедру лаборанткой на полставки. Мзевинар её к себе в лабораторию звала, та не хотела к матери. Настасья Кински...

– Он мне сказал, что я похожа на Настасью Кински в фильме «Париж, Техас».

Смотрел я тот фильм уже в армии по видею. Деда останавливали кассету и бегали дрожать за казарму. Марья стала писать реже. Письма оказывались короче.

Я, конечно, что-то подозревал. Но мысли эти гнал. Ну бред же! Отец у сына отбил девушку. Мелодрама и пошлость.

В девяносто четвёртом мы с Марьей сгношили в Харьков за каким-то прибором, который якобы лечит рак. Много статей тогда появилось про этот чудо-прибор. Какие-то местные физики изобрели, решили, что если облучать клетки опухоли радиоволнами, те приходят в резонанс и разрушаются. Народ ехал со всей страны. Приехали, поселились у сестры Бомбея на улице Отакара Яроша. Бухали там три дня в компании местных вольнодумцев. Договорились с учёными, дали нам этот прибор, объяснили, как пользоваться. Денег даже не взяли. Им статистику нужно наработать. Сказали, чтобы где-то достали генератор качающейся частоты, коаксиальный кабель и антенну. Я зарисовал положение всех тумблеров, ручек и переключателей. Клятвенно пообещал прибор не вскрывать, типа это их сраное ноу-хау. Вообще, не прибор ни хера. Так, приставка в корпусе из дюралки с проводочком и клеммами. Пока там сидел в лаборатории, народ так и валил с генераторами. У всех рожи довольные, говорят, мол, полетчало. И как тут не поверишь?

После смерти отца я эту приставку ещё «давал в аренду» всяким знакомым и родственникам, кто болел. Все умерли. Херня, короче, полная. Но не в этом суть. Мы тогда в Харькове пересрались с Марьей капитально. Наговорила мне всякого, типа отец мой – крутой, а я – пустое место, ничего собой не представляю, смазливый просто.

– И про твою мать даже Джим Руа говорит, что она слишком стара для Майка. Новую жизнь надо начинать с новой женщиной!

Майка... Очень хотелось её ударить. Но не ударил. Или ударил, не помню. Мы оба были изрядно пьяны. По питерским зарплатам я там считался олигархом, поил всю компанию. Потом я подрался с какой-то местной гопотой, а Марья разбила о голову одного из них литровую бутылку водки «Зверь». Потом истерично трахались в парке, потом опять пили.

Когда отец уже совсем слёг, Марья рвалась к нему повидаться, но он не позволял кому-либо с кафедры или института приходить. Мать как-то не пустила даже едрючего гондона Джима Руа. Отец умирал, и в квартире воняло гнилым мясом. Перед поминками нам с матерью пришлось отнести на помойку всю мебель из спальни, выстирать шторы и переклеить обои. И да, Марья напилась и блевала в наш унитаз. Утром я сидел на кухне, смотрел на спину памятника комсомольцу и пил «Посольскую». Марья прошкандыбала в сортир, потом в ванную, потом вышла ко мне.

– Я ненавижу тебя, – это она.

– Я знаю, – это уже я.

– Если ты сейчас же не сделаешь мне ребёнка, я тебя убью. У меня овуляция, – это опять Марья.

Я отодрал её сзади, стоя в ванной, но она не забеременела. Возможно, никакой овуляции не было. Потом проснулась мама и пожарила нам гренки. Мы пили чай, и мне казалось, что будущее ещё возможно. Мама, кажется, решила, что Марья признавалась в любви мне, а вовсе не отцу. Святая женщина! После Марья полтора месяца ходила, как моя первая собака ротвейлер, изображая беременность, пока не начались месячные. Я помню эту истерику.

В мае второго убили Хусимыча. Это на следующий год после похорон Мзевинар. Такой здоровенный заголовок статьи в «Невских новостях» – «Карманы трупа оказались набиты бриллиантами». И ещё в «Деловом Петербурге» – «Из Фонтанки выловили труп чёрного ювелира». Хусимыч в этот блудняк вписался из-за Секи. Это Сека решил, что сейчас правильное время и настала пора заниматься первой категорией.

Была тема по александриту, но сорвалась. Сека мутил что-то с чуваком, который работал по бериллам. Я вспомнил, что ещё в девяносто третьем на Полярном Урале набрал до фиго рубинов. Сека обрадовался и устроил встречу с купцами в районе Лавры.

Мы стояли на остановке возле газетного ларька в конце Невского. Подъехали эти на «фольксвагене-каравелле» с глухо тонированными стёклами. Открылась дверь. Показался мужик, похожий на Шуфутинского.

– Ты стой, – это он Секе. – А ты иди сюда, – это он мне.

Ну, залез внутрь.

– Садись здесь!

Я сел, куда показали, рядом с дверью. В машине ещё четверо. Шуфутинский напротив меня, спиной к движению. Цепь такая золотая на шее, борода, вылитый Шуфутинский.

Дверь закрылась, машина поехала, Сека остался стоять возле ларька.

– Показывай! – это Шуфутинский.

Я достал синий мешочек для образцов, вынул три, как мне казалось, прекрасных рубина и отдал мужику. Он, не глядя, передал тому, кто сидел за занавеской и где угадывался подвесной лабораторный столик. Его я не рассмотрел. Только помню очки в золотой оправе. Ещё один бык сзади меня, я его мельком видел, когда входил.

Мы свернули с площади направо, переехали Монастырку и покатали по проспекту Обуховской обороны. Слева между деревьев блестела Нева.

– Откуда? – это тот, что в очках.

Я назвал хребет.

– Понятно. Не пойдёт. Другие можешь не показывать. Там все такие.

Он передал камни Шуфутинскому, тот вернул мне. Я положил их обратно в мешочек.

– Остановись, – это Шуфутинский водиле.

Водила включил поворотник и почти сразу принял вправо и затормозил. Дверь открылась.

– Вылезай.

Я вышел из машины. Дверь закрылась, и «каравелла» уехала. Я стоял на углу Обуховской обороны и Слободской возле разливухи, куда мы ходили с Бомбеем и нашим начальником отдела. Теперь здесь был салон красоты. Я зашёл за угол. Пивного ларька на месте тоже не нашлось. Мне срочно хотелось выпить. В соседнем доме оказался минимаркет. Я взял мерзавчик и апельсин, перешёл проспект и на берегу Невы выпил водку в пять долгих глотков. Когда открыли месторождение хромитов на плато, то рвали накладными снарядами по склону. Микроскопические трещины в каждом образце. Для коллекционеров пофиг, для ювелиров – прямой отказ. Возможно, это спасло мне жизнь.

А может, спасло то, что у меня подряд вдруг пошли сделки. После этого случая я решил, что на недвижке заработаю больше, и уже из этого Секина блудняка выписался. А Хусимыч, наоборот, вписался. Понятное дело, он знал многих, кто работал в полях по драгкамням. Там серьёзные дела по александриту могли начаться. Но не начались. И что за херня про бриллианты? Не было бриллиантов никаких. Был александрит. Терпеть не могу журналуг!

Марья жила в Германии и звонила редко. Мы сидели с Секой и Бомбеем у меня на Петроградке и решали, кто ей сообщит. Хорошо бы, если б позвонила какая-нибудь Емельяна или та же Воднева. И вдруг звонок. Марья. Голос весёлый, звонкий, заграничный. Ну, такой обычный детский Марьяин голос.

- Как дела, Беркутов?
- Привет, – говорю, – нормально.
- А мы пьём холодное просеко. Прямо из холодильника.
- Хорошо, – говорю. – Сухое?
- Брют. Привет тебе от моей любви!
- Спасибо, – говорю, – ему тоже. Как у вас погода?
- Эти поняли, что Марья звонит, шипят мне: «Скажи ей, скажи!»
- Блин, ну а как сказать?
- Константина Хусеиновича больше нет, – говорю.
- А куда он делся?

Короче, взял себя в руки, всё сказал. На похоронах Хусимыча я не был, заболел. Сека, Бомбей и Олег пришли. Ну и Марья, конечно, со своим немцем. Они прилетели на неделю из Берлина. Немец на поминках, по словам Бомбея, успел всех заколебать эмигрантскими понтами. Не понимаю, как Марья с ним жила: откровенный мудень.

Нет, вот реально Марья всё равно не осталась бы гендиректором. Как бы она тогда в Германию свою уехала? Так что это не я виноват, что она решением учредителя назначила Водневу. Так бы она меня и послушала. Не, если бы у нас был очередной романтический период, тогда, может быть, ещё и послушалась. Но тут этот немец, а до этого Игорь Ревазович. Короче, хватало тех, кто в уши херню разливает. Хотя где-то я, конечно, втиснулся на пару раз, пока она от одного решила уйти, а к другому ещё не пришла. Сидели завтракали, вот и предложил Марье, мол, чё сопли жевать, назначь Водневу, да и дело с концом. Но она сама к тому времени уже всё решила. В конце концов, я что, заставлял её? Взрослая девочка. Мне вся эта геология была уже глубоко фиолетова. Про фирму их не понимал ничего. Хрен знает, что у них там и как устроено с лицензиями, методами и прочим. Там чёрт ногу сломит с этими патентами. А у меня как раз «встречка». Я сто сорок метров на Невском продавал на третьем этаже дома-памятника.

Марья свалила к немцу, а Воднева нормально взялась за дело: возобновила заказы по шельфу, нахватала новых, штат опять попрос. Это, кстати, мне уже Емельяна рассказала, Воднева вдруг перестала ездить ко мне трахаться. Забавно, но я даже типа поскучал. Недолго, но поскучал. Звонил ей, а она вся такая деловая: мол, Дембечка, целую во все места, но у нас отчёты, работа. «Хрен с тобой, – думаю, – отчитывайся, у меня с бабами проблем нет». Тогда уже не было. Да и вообще не было. Не, ну хорошо, были конкретно с Марьей, когда я из армии пришёл. А теперь нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.